

№13

Цена 20 коп.

РАСПРОДАЖА КНИГ

Книжн. мага. ин А. С. СТЕПАНОВА.
Ленинград, пр. Володарского, 31.

(Выдержки из нашего каталога).

КУСТАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА И РАЗНЫЕ РЕМЕСЛА.

Александров. Производ. столярного клея. Ц. 25 к. Берендес. Паяние в домашн. быту. Ц. 50 к. Боголенов. Аккумуляторы. Изготовление, уход, зарядка и пр. Ц. 80 к. Рудь, И. Г. 2.000 практических техно-химических рецептов по всем отраслям производства и хозяйства. Ц. 3 р. 50 к. Вольф-Чапек. Каучук. Его добыча и обработка. Ц. 1 р. 15 к. Войтачек. Основы стекловидных работ. Ц. 50 к. Гусев. Как делать сукно. Ц. 40 к. Дебу. Деревенский кузнец. Ц. 30 к. Иванов-Даль. Гончарное дело. Ц. 70 к. Бондарное дело. Ц. 70 к. Корзинный промысел. Ц. 10 к. Лужение и паяние. Ц. 15 к. Шамтер. Как самому устроить электрическое освещение. Ц. 50 к. Лукашевич. Как самому сделать граммофон. Ц. 40 к. Маврикиев. Изделия из необработанных суше. Ц. 40 к. Ольхин. Работы брызгами. Ц. 25 к. Петров. Починка резиновых галош, резины, шин и др. предметов из резины. Ц. 40 к. Семенов. Производство сажи. Ц. 30 к. Углежжение костровое и печное. Ц. 25 к. Смолокурное производство. Ц. 60 к. Дегтекурение. Ц. 25 к. Петров. Зеркальное производство. Ц. 80 к. Соломин. Работы из металла, со стеклом, перешливание книг, работы из кожи. Ц. 50 к. Тельнов. Производство травяного поташа. Ц. 15 к.

РАЗНЫЕ.

Алексеев. Свиноводство. Солонение, копчение свинины, приготовление колбас и др. заготовок. Ц. 1 р. Его же. Птицеводство. Ц. 75 к. Буткевич. Самоучитель пчеловодства. Ц. 4 р. Лангстрот. Пчела и улей. Ц. 4 р. Кротков. Учебник по виноградарству. Ц. 1 р. 25 к. Кистер. Нарощение мышц гириями. Бакалейников. Путь к здоровью и силе. Ц. 50 к. Мюллер. Моя система. Ц. 60 к. Заровниев. Спутник рыбакова любителя. Ц. 50 к. Берг. Рыбы пресных вод. Ц. 2 р. Селиванов. Плетение рыболовных сетей. Ц. 60 к. Как самому сделать байдарку. Ц. 35 к. Карцелли. Спутник трудного охотника. Ц. 1 р. Ружье начинающего охотника. Ц. 35 к. Аршневский. Бокс. Ц. 35 к. Иерусалимский. Теория велосипедов. Ц. 75 к. Леонтьев. Развлечения летом. Игры и занятия на воде и суше. Ц. 40 к. Ипполитов. Спутник велосипедиста. Ц. 40 к. Тевшиев. Будь метким стрелком. Ц. 15 к. Тюльпанов. Выбор, дрессировка и натаска подружейной легавой. Ц. 1 р. 50 к. Шидловский. Собака ищейка и розыск с нею. Разведение. Уход за щенками и взрослой. Воспитание. Дрессировка. Работа с ищейкой. Поддача первой помощи и др. Ц. 1 р. 75 к. Горчаков. Опытный рыболов-любитель. Ц. 1 р. Петров. Рыбная ловля всех видов и во все времена года. Ц. 1 р. 25 к. Игнатьев. Определитель весенних растений. Ц. 75 к. Келлер. Жизнь моря. Животный и растительный мир моря. С табл. в красках. В перепл. Ц. 5 р. Линдеман. Общедоступная геология. В перепл. Ц. 5 р. Наука в вопросах и ответах. Научно-популярный карманный справочник. 750 вопросов и ответов о явлениях окружающего нас мира. Ц. 1 р. Свяцкий. Певчие птицы. Ц. 1 р. Микельсен. По следам жертв ледяной пустыни. Ц. 1 р. 25 к.

Вышла из печати книга инж. Фенеклюза. Ветроуловители для мельниц, водокатачек, станков и электростанций. 176 стр. С 124 рисун. Ц. 2 р. 50 к.

Цены без пересылки. Стоимость пересылки одной книги—30 к., двух—32 к., трех—35 к. и т. д. Требуется каталог № 6. Высылка бесплатно.

„ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.“

поршок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела.

Банка 2 р. 50 к. и 1 р. 25 к.

РОССЕТЕРСКИЙ восстановитель поседевших волос, уничтожает перхоть и предохраняет от выпадения волос. 2 руб.

Продажа в аптеках, универмагах и магазинах санитарии и гигиены. Высылается только по получении задатка.

К. оперативн.

оварищество

„ЭЛЕМ“

МОСКВА,

М. Дмитровка, 17.

Во избежание каких-либо недоразумений и неаккуратностей в доставке Журнала

Вокруг Света

Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“ устанавливает следующий порядок подписки:

1. С 1 июля подписка на журнал „ВОКРУГ СВЕТА“ приним. в следующие сроки:
С приложениями: на 3 мес. (I/VII—I/X и I/X—31/XII) . . . 2 р. — к.
на 6 мес. (I/VII—31/XII) 3 р. 80 к.
Без приложений: на 1 мес. — р. 40 к.
на 3 мес. (I/VII—I/X и I/X—31/XII) . . . 1 р. 10 к.
на 6 мес. (I/VII—31/XII) 2 р. 20 к.

2. Подписка на журнал принимается также и с начала года, причем все вышедшие номера журналов и приложений ДОСЫЛАЮТСЯ.

3. При подписке на журнал до 1 июля необходимо указывать, с какого номера желательно получать журнал.

4. При продолжении подписки, одновременно с высылкой денег, следует прислать ярлык или точную копию его, с которым получит последний номер журнала.

5. Подписчики, приславшие деньги или подписавшиеся непосредственно в Главной Конторе Издательства „Красная Газета“, Ленинград, Фонтанка, 57 (или Отделениях Издательства, Просп. 25 Октября, 1 и 68) при неправильной доставке им журналов должны обращаться с запросами в Главную Контору Издательства „Красная Газета“, Фонтанка, 57, комн. 11.

Все же остальные подписчики, подписавшиеся в почтовом Отделении или других организациях, с жалобами дожны обращаться по месту своей подписки.

6. Все заказы, поступившие с 1 июня на Июнь, будут выполняться с № 11, все же остальные с того номера, с которого будет указано подписчиком при заказе.

7. Недостающие номера журнала подписчики могут получить из Главной Конторы Издательства „Красная Газета“ при уплате деньгами или марками 20 к. за каждый номер журнала.

8. Издательство гарантирует своевременную и правильную доставку журнала и приложений при непосредственной сдаче заказов в Главную Контору Изд-ва „Красная Газета“ — Ленинград, Фонтанка, 57.

Письма с марками желательно присылать заказной почтой.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

9. До 15 июня вышли две книжки приложений; в ближайшее время выходят третья и следующие.

10) Подписка на журнал с приложениями принимается лишь на сроки: три, шесть и двенадцать месяцев. Кто подписался без приложений, может дополнить их, прислав дополнительную плату:

3-х месячные подписчики — р. 90 к.
6-ти „ „ „ 1 „ 60 „
12-ти „ „ „ 3 „ — „

Все выпуски „По морю, суше и воздуху“ высылаются по цене 20 коп. за выпуск. (Пересылка заказной бандеролью со стоимости).

11. Всем подписчикам, подписавшимся с приложениями с 1-го января по 1-е июля, будут разосланы все намеченные приложения, запоздавшие своим выходом.

12. Подписчики, внесшие плату на срок менее полугода, получают приложения как подписчики на 3 мес., внесшие плату менее чем на год, получают приложения как полугодичные подписчики.

13. Для получения полного комплекта приложений с первого номера или с какого номера желает подписчик получить, следует дослать соответствующую сумму переводом или маркам, согласно п. 10 настоящего объявления, приложив одновременно ярлык или его копию, с которыми была получена последняя книжка приложений.

Издательство „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 р. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17.

„Русско-Иностранная Книга“.

10—4

УЗНАВАЙТЕ * ПОГОДУ *

Гигрометр „БАРОМИОР“

Прибор для предсказания погоды, пог ды с взыим налендарем НЕСБА(ДИМ) СЕМ. Высылается немедл. по получ. 1 р. (можно марк.). Налож. плат.—1 р. 20 к. Оптовикам скидка. Адрес: Москва, 310, почт. ящ. № 1153, произв. „Баромюр“.

4—1.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 13

1927 г.

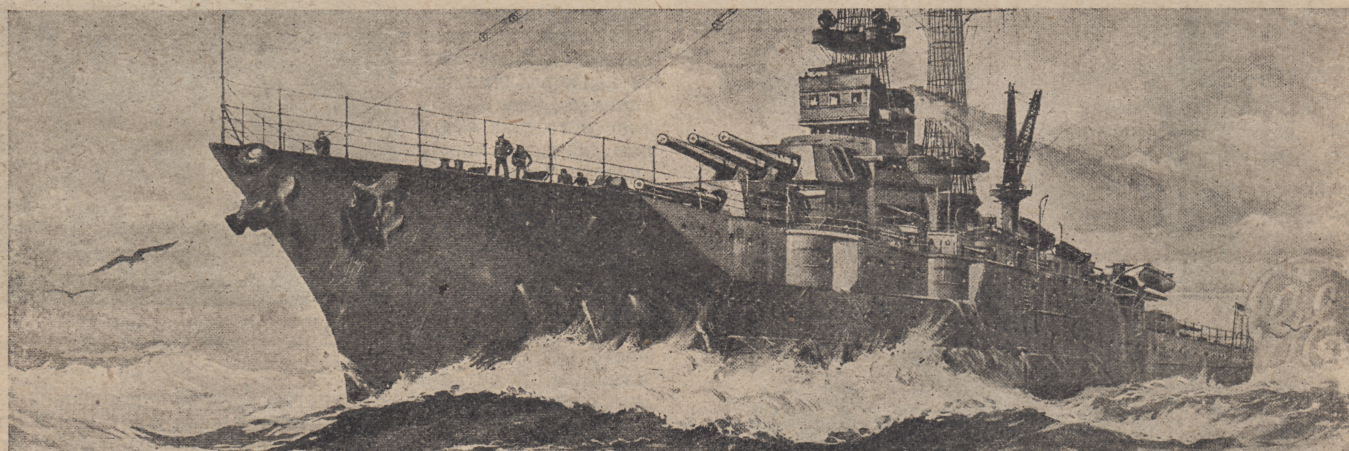
ИЮЛЬ

15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Тих. „Старые и новые“ (Союз молодых). — Ф. Трих. „Черная смерть“. — Б. Бельтнев. „За оружием“. — Лнт. Армстронг. „Закупоренный в бутылку дух“. — С. Бартнев. „Вооруженные силы Европы и Америки“ — М. Рэнпорт. „Завоевание воздушного океана“. — Лесник. „В пойме“ и др.

СОВРЕМЕННЫЕ БОЕВЫЕ СУДА

Линейный корабль.

Прошлая мировая война обогатила значительным опытом и морские державы, обладающие мощным флотом. Старые суда были частью проданы в лом или употреблены на опыты, применительно к новым средствам борьбы.

В этом отношении нужно отметить характерную особенность, свойственную отдельным нациям. В отношении новшеств, изобретательности и смелости переконструкций впереди всех шли теперь Соединенные Штаты, Италия и Германия. Это первенство и до сих пор осталось за ними. Япония в своем талантливом подражании всегда выбирала лучшее. Англия же с трудом ломает свой консерватизм.

В результате установился тот определенный тип судов, которые должны будут выступить в будущей войне.

Основой боевой мощи на море остался по-прежнему линейный корабль или сверх-дредноут, как часто его называют. Задача его принять главный бой на себя и уничтожить противника. Отсюда его тактические свойства и вооружение. Трудно сказать до каких размеров дошли бы эти суда, если бы не Вашингтонская конференция, положившая предел количеству и тоннажу боевых единиц, находящихся в постройке.

В настоящее время Англия ввела в строй два гиганта — «Нельсон» и «Родней» в 35.000 водоизмещения, с артиллерией в 16дм., бросающей снаряды на расстояние до 30 миль ¹⁾. Каждый из них обошелся в 70 м. р. Англия

мечтает строить в будущем линейные корабли в 60.000 т. с 20 дм. орудиями, Италия строит «Рекс» и «Дукс» в 40.000 т. со скоростью хода в 40 узлов. И Америка усилила свой флот рядом судов с мощными электродвигателями.

Остальные классы судов играют подсобную роль для линейных кораблей: авиоматки несут по несколько десятков гидропланов для воздушной разведки; легкие крейсера служат для разведки впереди флота или эскадры; линейные крейсера для дальнейшей разведки и приема первого боя до подхода главных сил, т.-е. линейных кораблей; миноносцы для минных атак; подводные лодки для внезапных, невидимых атак на боевые и торговые суда; минные заградители — подводные и надводные, для постановки мин заграждения, на которых должны взрываться суда противника и, наконец, тральщики, вылавливающие поставленные противником мины.

Для защиты своих берегов существуют: броненосцы береговой обороны и мониторы с 12 дм. артиллерией и мелкой осадкой, а также береговые батареи.

Характерными для современных кораблей являются линейный крейсер «Хууд», называемый «королем океана», никем еще не превзойденный, в 41.000 т. водоизмещения при 33 узлах хода; последние линейные корабли почти в ¼ кил. длины, имеющие «невидимые» трубы, которые отводят дым за корму, с грандиозным восьмизатяжным башенным сооружением вместо мачты, где сосредоточено все управление кораблем.

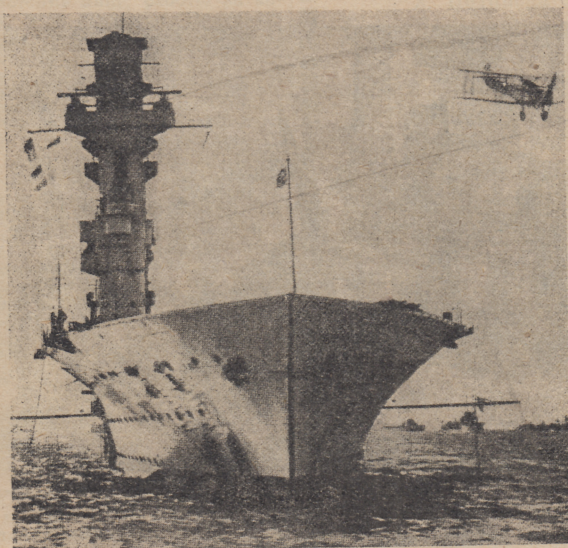
¹⁾ Морская миля 1,75 кил.

БОЕВАЯ РОЛЬ ФЛОТА.

Самые большие флоты в настоящее время имеют: Англия, Соедин. Штаты, Япония, Франция и Италия. Причем, могущество Англии и Японии как островных государств, держится исключительно на их флотах, в то время, как флот для Франции имеет значение силы, обеспечивающей доставку „пушечного мяса“ с черного материка (Африки) в Европу и защиту колоний, а для Соединенных Штатов — господства в Тихом океане, оспариваемое Японией, для которой победа Америки явится вопросом жизни и смерти. Отсюда неизбежны столкновения, свидетелями которых станет наше поколение.

Из этих предпосылок вытекает боевая роль флота — господство на море и торговых путях и защита собственных берегов от возможного десанта сухопутных войск враждебной страны. В соответствии с этим заостряется человеческий гений в постройке боевых единиц, направляется политика заинтересованных стран, задыхающихся в тисках собственного милитаризма и составляется бюджет, отдающий значительную долю на морские вооружения, эти расходы в общем итоге падают на мирного обывателя (в Англии больше 2-х фунтов в год на человека).

До мировой войны самой могущественной державой на море была Англия. Ревниво оберегая свое первенство, она разгромила выросшую морскую мощь Германии, но тут выступили новые соперники — Америка и Япония. Непосильные затраты на чудовищные морские вооружения вызвали Вашингтонскую конференцию, которая должна была положить предел этой вакханалии. На самом же деле вооружения после нее пошли более лихорадочным темпом.

Двигатель последнего образца.

Вступив на путь соперничества Англия, Америка и Япония продолжают усиливать свои флоты, строя свою морскую политику на наступательных, активных операциях флота, в то время как остальные государства, в том числе и наш Союз, ставят перед собой оборонительные задачи. Отдельно стоят Франция и Италия в ожидании столкновения за господство в Средиземном море и за свободу сообщения с колониями в Северной Африке.

Можно смело сказать, что человечество вступает в эру грандиозного столкновения на море, отчего вопрос о флоте имеет сейчас актуальное значение. Это видно по тем приготовлениям, которые ведутся в отдельных странах. Достаточно сказать, что Англия ассигновала в этом году на военное судостроение более 200 000 000 руб., в то время, как за все предыдущие 5 лет она потратила на это 265 миллионов. Япония 325 милл. р., Соед. Штаты 639 милл. руб. Германия 110 милл. р. Испания 84.000.000 р. Швеция 20 милл. руб. и даже Финляндия 37.000.000 марок. Причем каждая из этих цифр значительно выше предназначенных на народное образование и здравоохранение вместе взятых.

Что же делается на эти деньги? И какова будет война на море в будущем?

Учтя опыт войны, Англия ввела в строй чудовищные корабли — крепости „Нельсон“ и „Родней“, стреляющие на

30 миль, модернизировала линейный крейсер „Хууд“, пачками выпускает мелкие быстроходные крейсера и миноносцы, усиливает воздушные эскадрильи, удивляет противников величайшими в мире подводными крейсерами типа „Х 1“ в 3600 тонн, с 6 орудиями 1400 м/м., 33 узловым ходом, с районном действии в 6.000 миль и 100 чел. экипажа. То же делает Америка, Франция, Италия и Япония.

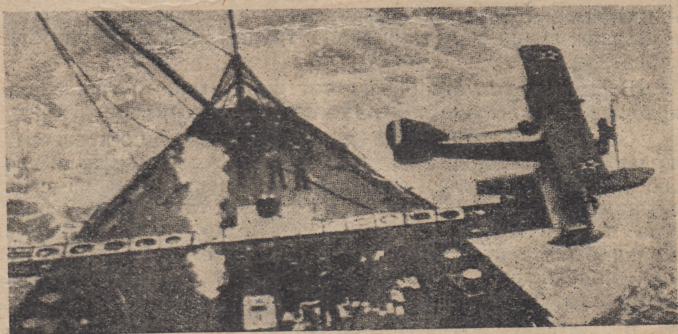
Одновременно придумываются другие средства истребления человечества, над которыми работают все лаборатории мира.

Удушливые газы. Смертельные лучи. Огневой дождь. Моторные торпеды, которые управляют радио на расстоянии и гонятся за судном с тонной взрывчатого вещества.

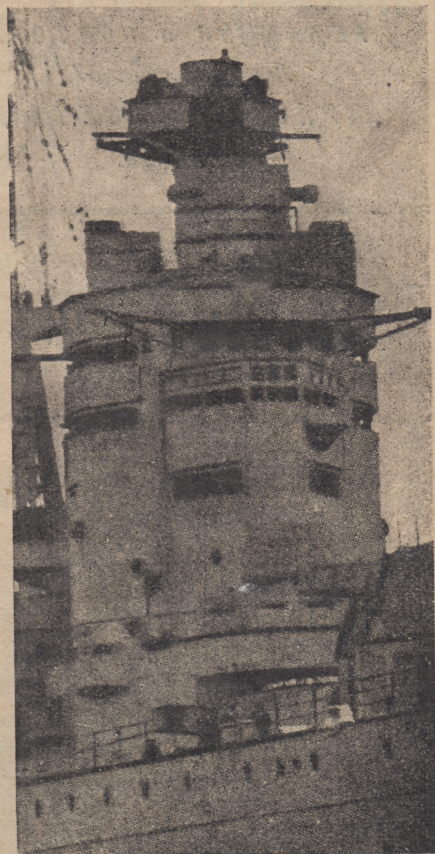
Но над всем царит аэроплан. Он — настолько дешевое оружие, что сейчас ведется бешеное соревнование между всеми державами в усовершенствовании его. В случае войны эти крылатые машины не десятками, а сотнями стаями заружатся над кораблями противника. Облака смертоносного газа будут выпускаться в море с „неветра“ при помощи особых бомб, бросаемых с аэроплана, или выпускаться подводными лодками в погруженном состоянии из особых цилиндров. Современные же газы настолько невидимы и тяжелы, что сутками могут держаться над поверхностью воды на курсе неприятельских кораблей и не будет фантазией, если флот, попав в такую смертоносную зону, лишится всего живого и будет идти некоторое время под машинами, с мертвецами на борту.

Сделав свое дело, самолеты будут возвращаться на свои авиабазы и там отдыхать, на этих странах для не привычного глаза судах, где труба и управление торчат где-то сбоку, палуба совершенно гладкая с катапультами для выбрасывания аппаратов, чтобы сообщить самолетам начальную достаточную скорость.

Но и против самолетов придумана зенитная артиллерия, смертоносные лучи, останавливающие работу магнето, и ракеты, разбрасывающие при разрыве раскаленный металлический дождь, радиусом до 8 километров.

Гидравлический катапульт, выбрасывающий аэроплан для полета.

Восьмизатяжная башня „Нельсона“

Старые

Рис. худ. И. Королёва.

Содержание первой и второй части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилову возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятием ею из берлоги медведя снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Пака не удается унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Ругаются все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митинг», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спросясь и своего нового начальства.

Ребров приходит в неистовую ярость при виде такого самовольства, но его смягчили приветственные клики и всенародное подношение ему бокала с вином.

Вместе со всеми колымчан ми вышла на пир и бабушка Натаха, где и умирает на руках своего внука.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

ГЛАВА XIV

Наученный опытом Митька молчал до сентября о купеческих товарах и о чукчах. Он понимал, что все макаризированное уйдет так же непотребно, как пер-

вая партия. Он только сторожил купцов, чтоб они не вывезли товаров из под его носа и не продали в якутский улус. Это была игра в темную. Купцы могли в конце-концов оставить его с носом, но они слишком дорожились и дрожали над товаром и боялись покупателей. Они утешались надеждой, что, может быть, Митька, передумал. Но как только стала река и напала пороша, Митька с недопесками сделали набег на купцов и на этот раз более безжалостный и более широкий. Они забрали, что нашли. Чай и табак, ситец и железо, сахар и «жидкую».

Чуть заря проехал по реке невиданный поезд, взобрался на угорье повыше городской черты, покатил по дороге на запад и стал выбираться на тундру. То были колымские собачники. Они ехали к чукчам за мясом, за оленями.

Впереди всех ехал Митька на доброй упряжке в двенадцать подобранных псов. Упряжка, разумеется, была Макарьевская, но Митька сам подобрал и выездил ее и теперь он, можно сказать, вступил в привычное владение. Чувствовал он себя особенно ловко, постукивал тормозной палкой о верхнюю дугу и ухал и гикал на зубастых своих скакунов.

Он думал с удовольствием, что вот он и невод возьмет у Макарьева и выедет и будет ловить, как прежде. Главное, чтоб было хозяйство, работа, все полное, все первый сорт.

За Митькою ехал Михайло Слепцов, он же Михайло Якут тоже на чужих макаризированных собаках другого купца Шевелева.

Макаризация видимо ширилась и заражала все новые души.

Мишка был якутский, городской, без сена и скота, вдвойне презренный для русских богатых людей, как бедняк и как низшая раса. Лицо у него было широкое. Скучные волосы на губе и на подбородке он искусно выщипывал маленькими медными щипчиками.

Русские мальчишки дразнили его:—Якут, печная заслонка. Положим, у них у самих лица были разве немного поуже; но Мишка тем больше злился.

Он был хорошо грамотный, в свое время научился у бывшего дьяка Колоскова, которому за его полную безносость протоиерей Краснов, родом из Иркутска, не знавший колымских обычаев, запретил участвовать в службе.

Михайло был человек сердитый. Перед самой революцией он зарезал человека за картежной игрой, правда не до смерти, и ушел и скитался в лесах. Но теперь он явился опять, и в голову никому не пришло спрашивать с него за убийство.

Дальше ехали все недопески, воронья охрана, один за другим. Их было человек двенадцать. Нарты у них были собственные, а собак у кого три или насилу пять. Но они не смущались ничуть и как настоящие речные поскакунчики из досельной сказки, бежали по дороге, придерживаясь рукой за дугу и только изредка

на спусках и раскатах вставая на полоз ногой. Такая езда была, как костоломка, но этому они научились еще с пятилетнего возраста и умели подлаживать собственные ноги к собачьим.

На большом отдалении двигались другие колымчане, растянувшись, как змей, разодранный на отдельные звенья. Митька запретил беднякам выезжать за ним на тундру, чтоб не очень испугать чуков. Но они не могли удержаться и выехали после, стараясь все время держаться на расстоянии, чтоб не попасть под Митькин разнос. Чукотское мясо тянуло их, как некий магнит. И даже слюни уже набегали при мысли о жире быков в два, три, четыре пальца толщиной.

Впереди этой жалкой и жадной команды держался, разумеется, неугомонный Пака. У него были две собаки, косматые и мелкие, как он сам. Они бежали мелкой

Из переднего шатра, самого большого, бычачье-головного, как говорят чукчи, вышел старичек, сухонький, в камлейке, балахоне из красного сукна. Это был Тнеськан, довольно богатый оленщик. У него было до тысячи важенок¹⁾. На веку своем он трижды разорялся. Два раза от хромой заразы и в третий — от жадности русских. Но страшное упорство и искусство старика опять успевали вырастить новую оленью пластину из жалкого остатка.

Он посмотрел на русских довольно неприветливо.

— Пришли вы, — сказал он, в виде обычного приветствия Митьке Реброву, который привязывал забот-

Женщины о бодрали о еня, стали хлопотать, варить...

ливо свою упряжку на ремне между двух кудрявых лиственниц.

— А вы ушли, — сказал Митька, ни мало не смущаясь.

Тнеськан кивнул головой. — Олени ушли от собак, — сказал он двусмысленно. Чукчи вообще называли и русских и их лающий скот одинаково — собаками.

— Куда вы уйдете от нас, — отозвался Митька хладнокровно. — На западе есть тоже русские собаки.

Он был совершенно прав. Эти западные чукчи жили на русской и якутской земле и деться им было некуда. Когда они пятились от русских колымчан, они натыкались на русско-якутских индигирцев, не менее жадных к жирному оленьему мясу.

Чукча пожевал губами.

— Мы товар привезли, — сказал Митька.

— Ага!

— Табак... Чай... Воду...

Митька выговаривал по слову с большими промелками. «Вода», это, конечно, была «горькая вода», водка. О какой же другой воде могла идти речь?

¹⁾ Важенка — самка.

трусой, и Пака семенил рядом с ними. Все трое не торопились, лишь время от времени вынюхивали носом, стараясь поскорее уловить лакомый запах горелого жира от чукотских котлов и костров.

Чукчи держались далеко от Колымска, верст за полтора. Поречане ночевали на тундре, не евши, а утром поехали дальше. Поздно вечером собачники въехали в стойбище, большое, в шесть шатров.

Последние верст десять были по дороге, наотптанной оленьим караваном. По этой затверделой дороге, взяв дух от уже недалекого стойбища, полудикие колымские собаки ожили, пошли рысью, потом даже галопом. Запах оленьего мяса, крови замороженной, прокисшей и подгнившей, опьянил одинаково голодных колымчан и их зубастую и жадную скотину.

Пака со своей командой, вопреки запрету Митьки, а, быть может, вопреки своей собственной воле, подтянулись за другими и въехали в стойбище десятком воющих, голодных потягов.

— Ну, войдите, — предложил чукча.

— 5—20—60,—окинул он взглядом упряжки и по пути пересчитал русских собак. — Бабы, кормите гостей!

На окрик хозяина из всех шатров словно посыпались женщины, в странной одежде, мохнатой, меховой, но с широкими рукавами и полураскрытой грудью, и стали таскать мешки с объедками и летним гнилым мясом, чтоб кормить собак. Ведь это тоже были гости. Колымчане рубили мороженную кровь вместе с полугнившей оболочкой. Собаки грызли свои куски, задыхаясь от жадности. Пака нагнул почти машинально и подобрал осколок «кислой», т.е. подгнившей печени, положил себе в рот и пожевал с наслаждением. Он не пробовал мяса уже с полгода, да и рыбы ел не досыта.

— Брось, не трогай! — крикнула чукчанка, внезапно задохнувшись от жалости. — Не тронь собачьего. В полог¹⁾ заходите, накормим! Входите, друзья!

Священная формула чукотского гостеприимства была, наконец, произнесена. Должен был последовать пир, горячее мясо.

Из-за шатров показался пастух, несший на плечах только что заколотого оленя. В олене было пудов пять, но пастух шел так легко, как будто туша, облежавшая его шею, была только из меха, а не из мяса и костей. Был он совсем молодой, безусый, с румяными щеками. Шапки на нем не было, меховая рубаха без ворота, голая грудь виднелась даже из под оленя. У него были густые брови и волосы на голове чуть курчавились.

— Рукват, скорей! — окрикнула его женщина, — приезжие голодны.

Женщины ободрали оленя, стали хлопотать, варить, зажгли лампы, т.е. светлые плоские с пластинами оленьего сала. И через полчаса Митька и Мишка и еще коренастый казак Соболев из партии Паки сидели в пологу у Тнеськана перед длинным корытом дымящейся оленины.

Пака отказался зайти в бычеголовый шатер, хотя его и звали. По завету чукотской демократии он зашел в самый задний шатер к бедной старушке и молча присел у порога. Потом покормился от обрезков, костей и ее худшей, сиротской, почти милостынной дсли. Пака среди русских считался в захребетниках, в «задних» и «меньших людях», и ему казалось неуместно водиться с «большими людьми», хотя бы на чукотском стойбище. Тут была особая бедняцкая гордость, как она существует издавна на севере.

Напротив, Викеша Русак, непризнанный глава колымских недопесков, вместе с Митькой и Мишкой, попал в передний шатер. Его посадили поодаль, но все же на почетном месте. В пологу было тесно, и молодые пастухи просто лежали снаружи на брюхе, просунув голову и руки под меховую стенку. Спина у них мерзла, а голова потела. Но в чукотском быту это самое привычное дело.

Чукотский молодежник, лежавший на брюхе вокруг полога, внимательно присматривался к Викеше.

Его облик и вся фигура совсем не походили на смуглых и некрупных поречан.

— Из дальнего рода? — бегло спросил Тнеськан, кивая головой в сторону красивого максола.

— Отец, — бросил Митька еще короче, на лету.

— Ага, преступник.

Тнеськан выговорил это слово в якутской манере. Политические преступники звались у чукох «дальним

родом», а у якутов буквально «преступник». Но это считалось особое звание, влиятельное и почетное. Им подавали нередко прошения о разных обидах, подчас даже с обращением: «Его Превосходительству, Господину политическому преступнику».

Викеша держал себя скромно, подражая молодым пастухам. Он взял с блюда длинную оленью ногу с полусырыми волокнами мяса и жил. Захватил это мясо ножом, дернул влево, потом вправо, два раза положил в рот. Конечно. Кость была обглодана до чиста, хоть выбрасывай собакам. Сзади послышался сдержанный ропот одобрения. Чукотский удалец, как волк, двумя ударами железного клыка обгладывает всякую кость.

Сзади просунулась коричневая лапа и потянула Викешу за ногу.

— Выйди, — прохрипел за спиной взволнованный голос.

Но Тнеськан повернул голову и циркнул в пространство. «Успеется! Завтра!» То были его собственные сыновья, которым не терпелось поближе познакомиться с новым неведомым удалцем. Молодые пастухи раскусили, что в этом речном молодце есть что-то новое. Но теперь приходилось подождать.

Митька и Тнеськан, оба думали о деле, не о детских пустяках.

— Зачем приехали, — спросил Тнеськан снова, более смягченным тоном, чем раньше на дворе.

— Олени, — сказал Митька, — голод на реке.

— Русская чайка сыта не бывает, — проворчал Тнеськан.

— А с чем приехали?

Митька молча полез за пазуху, вытащил мохнатую папушу листового табаку и положил у корыта.

— О! — пронеслось в толпе, как вздох. Табак расхватили по рукам. Десять трубок сразу задымили пахуче.

— Десять! — сказал Тнеськан, протягивая руки вперед. Это были самородные счеты, дарованные людям природой. На митинге в городе «десять» без дальнейшего определения указывало число кирпичей чаю или папуш табаку. Здесь на тундре «десять» означало прежде всего оленей. Обе валюты, речная и оленья, встретились и должны были выдержать спор.

Митька подождал, пока чукчи накурились, потом достал из своей неистощимой пазухи твердую доску — кирпич пресованного чаю и положил у корыта, как прежде табак.

— Десять! — сказал Тнеськан с тем же движением рук. — Рука и рука!..

По чукотски «рука» так и означает «пять», а «две руки» — десять. А слово «считать» обозначает собственно «пальчить».

— Чакыт, чаюем, — усмехнулся хозяин, обращаясь к жене своей Чакыт, сидевшей слева на женском главном месте.

Тогда Митька полез в третий раз за пазуху и с торжественным лицом вытащил черную бутылку. Поставить такую драгоценность на неохраняемый стол было бы неблагоразумно. Вместо того он налил два стаканчика, неизвестно откуда подsunутые в нужную минуту, потом собственноручно поднес их Тнеськану и жене его Чакыт.

— Сам, — мотнул головой хозяин, предлагая по обычаю гостю выпить первому.

— Не стану, — мужественно ответил Митька, преодолевая соблазн. — Дорогая вода, пусть только для вас.

¹⁾ Полог — внутреннее спальное помещение чукотского шатра.

Тнеськан опрокинул стакан в свой огромный рот и крикнул с наслаждением. Спирт был честный, ничем не разбавленный.

— Человек, — сказал он опять и встал с места, как новая единица счета. «Человек» по чукотски означало также и «двадцать». И высшая счетная цифра была «человечина людей» — «четыреста».

— Всего два человека, — сказал в объяснение Тнеськан и ткнул аплем налево, в новую двадцатку, жену.

Митька протянул свои длинные руки налево и направо, схватил без церемонии за волосы ближайших соседей и протолкнул их вперед. Это означало наглядно: три человека — шестьдесят.

Начался торг. Хозяева спорить особенно не стали. Они выпили в мгновение ока русскую бутылку, не дали

Бросил аркан в пробегавшего мимо оленя.

ни гостям, ни молодежи. Выпили и захмелели и запели, о чем кто думал. Впрочем все они воспевали оленей, оленьи стада.

— Наша еда кругом нас на ногах ходит, — пел Тнеськан.

— Наша еда растет, пока мы спим, — вторила Чакыит.

Рулотына, младшая жена Тнеськана, пропела об оленьей красоте.

— Сучья костяные, безлиственный лес, проросший на тундре.

Она воспевала рога оленьего стада, которые, действительно, очень оживляют печальную плоскую тундру.

ГЛАВА XV.

Чем свет пастухи пригнали стадо и начался убой. Здесь надо было убить 30, а верст за десять подалеже у хозяйского двоюродного брата Вельванто другие три десятка.

Пастухи, щеголяя удалством пред чужими гостями, не стали загонять убойных оленей в ограду из саней, все-таки поставленную по обычаю, и хватали оленей на ходу арканами. Все происходило с молниеносной быстротой. Раз! — и пастух остановил оленя на бегу арканом, потянул, захлестнул и быстро перебирает руками по ремню. И вот он схватился руками за рога и уверенно вонзает нож под левую лопатку. — Бабы, опростайте! — Женщины вспарывают брюхо и вываливают наружу требуху.

Максолы разобрали у чукок запасные арканы и стали тоже хватать пробегающих оленей.

Андрейка бросил аркан первым и сразу промахнулся. Чукчи засмеялись.

Викеша молча достал из своей нарты собственный аркан, сплетенный еще матерью из тоненьких полосок кожи дикого оленя и вышел на дорогу.

— Зачем аркан у тебя, — спрашивали с удивлением чукчи. — Ты разве оленный?

Викеша кивнул головой: — Мои олени дикие!

Он стал на дорогу и бросил аркан в пробегавшего мимо оленя, поймал его на огромном расстоянии, затащил, но не стал подбегать, а напротив, потянул оленя к себе, стоя на месте. Ветвисторогий бык мотал головой и брыкался, но все же приближался к ловцу.

— Так и диких ловишь? — недоверчиво спрашивали чукчи. Об этом приеме ловли говорилось лишь в старых сказках.

— Кабы были, ловил бы, — ответил Викеша. — Ваши чукотские быки потоптали все мхи.

Это была старинная вековая распря между охотником на диких и пастухом домашних оленей. В пра-

дедах у Викеши числился Пимка Чуванец и костяное кольцо на аркане по преданию было от него.

Ружья максолы поставили в козлы и к ним определили часового. Теперь ружей было восемь. Чукчи подошли с любопытством. Чьи ружья, казачьи, якутские, «дальние»?

— Были казачьи, — сказал часовой, — а теперь стали наши.

— Все ваше будет наше! — прибавил он по русски. Эта старинная формула получила на севере толкование революционное.

— А это что? — спросил с любопытством Рукват. На нарте у Викеши было увязано прекрасное ружье с тонким граненым стволом в серебряных насечках. Кедровое ложе было с глубоким червленым узором.

— А это моя серебрянка, — отозвался Викеша, почти с нежностью. — Серебрянка, сестрица моя.

— Смотри, клеймо.

На вороненой стали стояло английское клеймо: John Bickering 1820. То был английский штуцер, попавший на Колыму столетие назад, с одной из ученых экспедиций.

Камсолы оживились. И часовой замурлыкал негромко известную на Колыме песню ружья-серебрянки.

Мой от Ванюшка по полюшку гулят,
Серебряночку на плечиках таскат,
Ну, пойдем, пойдем, ребяташки, гулять,
Ну, пойдемте во дубравушку стрелять.

— Ну, давайте в цель стрелять! — приставали чукчи. — Кто лучше.

— Жаль свинцу да пороху, — отозвался часовой.

Ему и его вопросителю вместе было, пожалуй, лет тридцать, не больше. Но последние два года составили даже ребятишек. Колымские максолы чувствовали себя совсем взрослыми, вроде новых каких-то казаков.

— Надо по живому стрелять, — вмешался Викеша.

— Грех по оленям, — быстро ответили чукчи. — Расстреляешь оленью счастье.

Домашнего оленя при стаде колот ножом. Отбившегося в сторону, как дикого, можно стрелять из ружья.

— Тогда по людям, — сказал Викеша с задором. Чукчи разбудили в нем инстинкты древних казаков.

— Ого, по людям, ого! — зароптали чукчи. — Да разве ты дух — людоед?..

Эта воинственная раса чуждается напрасного убийства, по крайней мере, на словах.

Викеша потрянул головой.

— Ребята, запоем свою комсомольскую. Он выговаривал правильно, не спотыкаясь на максе.

— Запоем, заводи!..

Как морские алеуты
На походе были плуты.
Они стрелками стреляли,
Мы из ружей отвечали...

— Досельную затынул, — засмеялись недопески.

Викеша вместо новой завел старую досельную казачью боевую песню.

Их чукотская душа,
А не стоит ни гроша.
Ша, ша, ша, ша!

Подхватили другие.

А не стоит ни гроша!..

Если бы ктонибудь из чукотских пастухов понимал по-русски, могли бы выйти неприятности. Впрочем, чукчи и русские часто обменивались такими взаимными любезностями и в прозе и в стихах.

Чукчи слушали с нетерпением русское пение.

— Будет вам выть, — задорно сказал Рукват. — Давайте что-нибудь делать, прыгать, бороться.

Викеша взял длинное чукотское копье, стоявшее возле загородки из саней, разбежался, уперся и огромным прыжком перепрыгнул через всю загородку и через головы оленей, которые были там привязаны.

— Го! — сказали удивленно чукчи. Для таких прыжков они были слишком тяжелы и неуклюжи.

— Прыгают речные, как зайцы, — дерзко засмеялся Рукват. Он хотел указать, что зайцы, хотя и прыгуны, у людей и зверей не в почете.

— Бороться давайте!

Он подошел к Викеше совсем близко, лицом к лицу. Оба они были одинакового роста, с широкими плечами и длинными ногами. Один был коричневый, с черной гривой, а другой белокурый, белолицый. Несмотря на различие лиц и волос, во всей их осанке было много общего.

— Ну, раздевайся скорей! бросил Рукват. — Попробуем, кто лучше.

Через минуту они стояли друг против друга, обнаженные до пояса, несмотря на холод. На севере в виде противоречия борются с голою грудью и спиной, даже в январские морозы.

Борцы походили немного, уставив головы, как молодые быки, потом бросились, схватились двойным, замкнутым обхватом и покатались в ложбину, уминая белую порошу своими разгоряченными телами.

— Гук, гук, гук! — крикали чукчи, ударяя ладонями в такт.

Максолы в озорстве запели:

Ванька Мишку не поборет
Мишка Ваньку не поборет.

Минуту и оба разомкнулись и стали на ноги, красные, мокрые от снега и от пота. Рукват неожиданно ослабил.

— Ух, какой здоровый, — сказал он просто-душно. — Полно драться, давай мириться. Езди, гости! Вот приезжай к нам на гладкошерстный праздник. Да мы со тобой всех борцов, как телят, перекидаем, все ставки заберем.

Надо было одеваться. — Давай, поменяемся верхнею шкурой, — предложил неожиданно Рукват.

Он подобрал на снегу Викешину рубаху и стал надевать ее задом на перед.

— Путанная русская сбруя, — ворчал он недовольно. Недопески подскочили со смехом и надели на него рубаху, беличий жилет, ровдужную куртку с подбоем.

Викеша с своей стороны натянул его двойную «кукашку» из пышного пыжика с собачьей и волчьей опушкой.

Чукчи кричали в неистовом восторге: — Поменялись, поменялись!

— Это Рукват! — и они указывали на Викешу. — А это Викень! — и они указывали на переодетого Руквата.

Простодушный пастух даже побледнел от волнения. — Ежели я по вашему оделся, — начал он, — то хочу быть, как вы. Я вижу: вы не таньги¹⁾, не прежние таньги! Как вы себя говорите — Камсоли? — произнес он по-русски на чукотский лад. — Я тоже Камсол. Пусть я буду чукотский Камсол!..

Так перебросилось первое семя союза молодых с реки Колымы на западную тундру.

(Окончание следует.)

¹⁾ Таньги — русские.

ПОДПИСЧИКАМ ВЫСЫЛАЕТСЯ 3-е ПРИЛОЖЕНИЕ

Ж. ТУДУЗ

„ЧЕЛОВЕК, УКРАВШИЙ ГОЛЬФСТРЕМ“

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Рассказ Ф. ГРИНА

Приближался жуткий момент и два судна застыли среди пустынного океана. Яркий, знойный день освежался прохладным ветерком, тянувшим с севера. Вода, покрытая легкими, белыми гребешками, искрилась под утренними лучами.

Словом, это был рабочий день для всякого судна, но наши два корабля не были заняты делом. А если и были, то каким-то странным делом.

Одним судном была северо-американская подводная лодка Х—5. На первый взгляд, самая обыкновенная подводная лодка, с длинным черным корпусом, вид которого вселял такой ужас океанским пароходам во время войны. Но моряки невольно посмеялись бы над ее башенкой с каким-то забавным яйцевидным наростом.

На мостике другого американского же сторожевого судна «Сокол», командир подводной лодки как раз ука-

зывал на этот курьезный нарост и серьезным тоном заявил:

— Это может оказаться смертью для тридцати человек, сэр!

Адмирал Бауэрс, председатель Секретного Комитета Подводного Плавания, нервно задергал свой короткий белый ус.

— Почему вы так говорите, командир Дрейк?

— Потому что нельзя ставить в верхней части подводной лодки подвижного цилиндра, равного по своей величине паровому котлу, не ослабив вместе с тем всей конструкции лодки.

Руки Дрейка так сжали при этом решетку мостика, что на них побелели все суставы. Сам он стоял в обычной позе моряка, широко расставив ноги, слегка покачиваясь своей прямой фигурой.

В это время к двум собеседникам подошел третий: худощавый человек с большой головой и бледным лицом. Его очки и вся манера держаться разом выдавали в нем ученого. Это и был, действительно, всемирно известный изобретатель, Зигмунд Де-Фриз, избранный для секретного опыта в теперешний критический для Соединенных Штатов момент, когда они только что объявили в 1917 г. войну Германии.

— Все еще волнуетесь? — приветливо осведомился изобретатель.

— Ну, это слишком сильно сказано! — ответил Дрейк, пожимая плечами. — Моряк, двадцать лет проработавший в подводном флоте, уже разучился волноваться.

— Да, но практическая работа еще не теоретическое обсуждение данной конструкции! — произнес Де-Фриз

мягким, покровительственным тоном. Ведь для него капитан Дрейк, несмотря на весь свой многолетний опыт, был только хорошо вышколенным механиком.

Изобретатель обратился затем к адмиралу Бауэрсу.

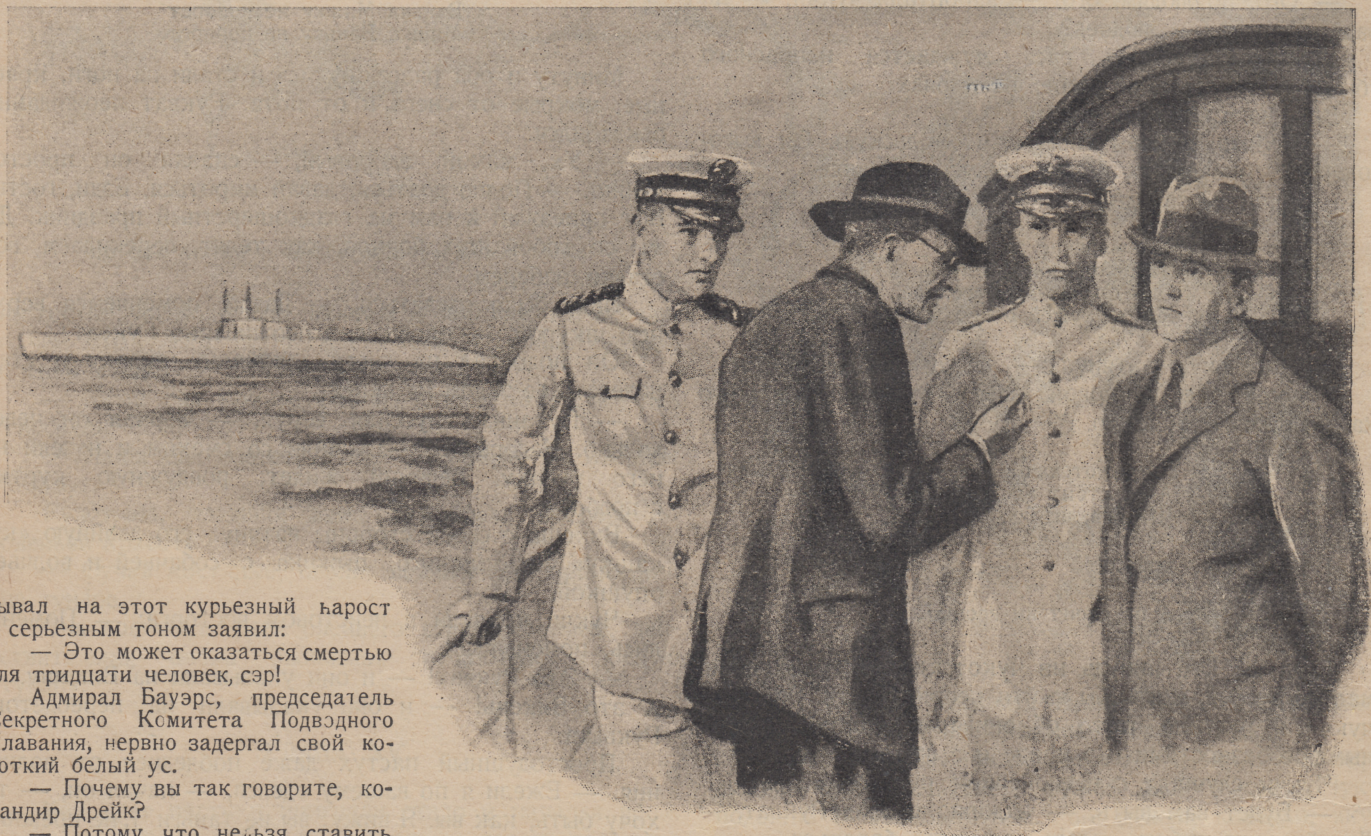
— На первом погружении будет присутствовать, конечно, и секретарь?

— Само собой разумеется! — раздался за их спиной голос человека, похожего на добродушного судью. Это был гражданский секретарь флота, откомандированный присутствовать на этом важном секретном опыте.

— Все готово у вас, командир Дрейк? — спросил он.

— Да, остается найти только подходящую глубину и тогда я перебираюсь вместе с д-ром Де-Фризом на подводную лодку.

— Надеюсь, что цилиндр отлично выдержит давление, — заявил адмирал. — Во всяком случае, это предва-

— Я уже несколько раз пытался втолковать командиру Дрейку...

рительное испытание должно окончательно убедить нас в правильности теоретических предположений.

Изобретение Де-Фриза состояло в стальном цилиндре, трех метров в диаметре и двух метров в длину; цилиндр устанавливался в верхней части подводной лодки. Внизу он был снабжен маленькой водонепроницаемой дверцей, а сверху — особым люком. Цель его заключалась в том, чтобы в случае надобности несколько человек из команды могли перебраться в цилиндр и, закупорившись, отделиться в нем от корпуса судна. Содержащийся в цилиндре газ должен был поднять его на поверхность океана.

— Вы все еще сомневаетесь в изобретении? — обратился к Дрейку секретарь.

— Рискну сам, чтобы окончательно убедиться. Я думаю...

— Здесь нет никакого риска! — перебил его нетерпеливо Де-Фриз.

— Но, согласитесь, доктор, что вы только один-два раза побывали в подводной лодке.

— Вы не понимаете, сэр! — воскликнул изобретатель, сжимая свои тонкие, костлявые пальцы. А затем обратился к секретарю.

— Я уже несколько раз пытался втолковать командиру Дрейку, что мы с полнейшей точностью можем вычислить силу давления на каждую часть подводной лодки.

— Да, но эти вычисления и до сих пор не всегда спасают команду, — сухо ответил Дрейк.

— Г-н секретарь! — заявил с искаженным от злобы лицом изобретатель. — Вы так же хорошо, как и я, знаете о шести ужасных катастрофах за один этот год в нашем подводном флоте. Такое положение не может быть дальше терпимо, решили Конгресс и Президент. Дальнейшие проволочки недопустимы.

— Все это я хорошо знаю! — отвечал секретарь. — Нам поручено испытать ваше изобретение, почему и был вызван для управления лодкой Х-5 командир Дрейк, как лучший офицер нашего подводного флота.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — иронически произнес Де-Фриз.

— Им подобрана для предстоящего испытания команда добровольцев, и если у него возникает тревога...

— Которой не должно быть! — снова перебил резко изобретатель.

В это время адмиралу доложили, что оба судна дошли до нужного места. Он взглянул на горизонт, где слегка заоблачившееся небо встречалось с синим морем. В северном направлении виднелись мачты убегающей вдаль шхуны, а стелющийся на западе туман указывал на близость недавно оставленной земли. Кроме морских чаек да черного корпуса подводной лодки, ничего не было в поле зрения.

— Итак, мы готовы, г-н секретарь!

— Отлично, Бауэрс! Начнем тогда.

На рее «Сокола» взвился флаг и когда Х-5 ответил, адмирал добавил:

— Мы нарочно выбрали это глубокое место. Здесь около 30 саженей: глубина вполне достаточная для нашего предварительного опыта.

И через несколько минут секретарь уже горячо пожимал руки командиру Дрейку и ученому Де-Фризу. Шлюпка с «Сокола» быстро доставила их на Х-5. Когда все спустились внутрь лодки, по ее низкому деку пробежал человек и скрылся в башенке, закрыв за собой люк.

Взволнованный и слегка перепачкавшийся изобретатель делал последние распоряжения, которые звонким голосом передавал своей команде Дрейк. Его брошенные в рупор приказания четко разносились по всей подводной лодке.

Люди в минном отделении, на носу, бросились к трубам, насосам и кранам, осматривая всевозможные их закрепы. В машинном отделении тщательно проверяли свои двоякого рода двигатели — электрические и внутреннего сгорания. Ведь подводная лодка на поверхности пользуется двигателями внутреннего сгорания, если же погружается, то пускаются аккумуляторы для электрических двигателей. Это и понятно: двигатели внутреннего сгорания нуждаются в обильном притоке воздуха, которого под водой всегда не хватает.

— К резервуарам! — раздалась команда.

Люди при впускных клапанах приготовились пустить воду в большие боковые камеры, которые шли вдоль всего судна и управляли его пловучестью. Однако, не только эти резервуары, которые либо заполнялись водой, либо освобождались от нее с помощью особых насосов, придавали устойчивость подводной лодке. В том же направлении действовали и автоматические насосы, сами собой изменявшие количество поступающей в резервуары воды, когда вся команда переходила на корму или на нос.

Когда в ответ на свои приказания Дрейк отовсюду услышал «есть», он направил своих помощников к контрольным аппаратам. Они находились в замкнутом помещении, как раз под мостиком подводной лодки, и полны были всевозможными кранами, рычагами, колесиками, циферблатами, звонками и другими жизненно необходимыми для судна приборами. Здесь был центр управления. Отсюда выбрасывают мины, останавливают и пускают в ход машины, придают лодке вертикальное или горизонтальное направление, передают любому матросу то или иное распоряжение.

В этом центральном месте управления и находился сейчас командир Дрейк, глядя в перископ, т.-е. в особую трубку, верхний конец которой снабжен был призмой, остававшейся постоянно сухой благодаря тонкой струе воздуха. Призма преломляла падающие в нее лучи и позволяла все видеть на поверхности моря, пока она сама выглядывала из под воды.

— Готово? — спросил Дрейк.

— Готово, сэр, есть! — отрывисто ответил его помощник, молодой лейтенант Харборд.

— Руль низ! Резервуары!

Х-5 начал сразу погружаться. Прибор отмечал достигнутую глубину: две сажени, пять, десять, двадцать.

— Легче! — раздалась команда Дрейка.

Рулевой начал выпрямлять лодку, взяв более горизонтальное направление.

— Двадцать пять! — показал прибор.

— Руль вверх!

Тридцать! — показала стрелка прибора.

Дрейк нагнулся к рупору.

— Насосы! — закричал он. — Остановить наполнение и начать откачку!

Дрейк отошел от приборов и вытер со лба пот. В отверстие водонепроницаемой двери показалась голова Харборда.

— Вы думаете, что есть тридцать саженей? — спросил он.

Дрейк взглянул на циферблат, который показывал уже тридцать пять. Невольно он пошатнулся.

— Что же это такое? Ведь они мне говорили о тридцати! Или здесь неровное дно и мы попали случайно на какую-нибудь впадину? Испытание цилиндра Де-Фриза требует лишь тридцати саженей. Беги и посмотри, что у них там делается.

Харборд скрылся, но циферблат указывал на прежнюю глубину.

— Руль вверх! — раздалась его команда рулевому.

— Есть сэр! Руль вверх.

Но стрелка циферблата не двигалась с места. Опытному моряку это показалось уже зловещим признаком. Он выскочил и бросился к двери машинного отделения, где столкнулся с головой машиниста, которого сбил с ног.

— О, простите... — начал он, поднимая упавшего, но тот не дал ему договорить.

— Мы тонем, сэр! — прохрипел он в ужасе

— Тонем? Почему?

— В машинном... отделении... электромоторы затоплены!

Дрейк больше не слушал. Он через узкий проход бросился дальше, шлепая по воде, уже поднявшейся на 15 сантиметров.

Паники не было, но через несколько минут все собралось на главной палубе и знали, что та часть обшивки, которая вела к электромоторам, не выдержала высокого давления моря. Забравшаяся вода могла, в свою очередь, проникнуть оттуда в среднюю часть судна и минное отделение.

Как и опасался Дрейк, установка большого цилиндра Де-Фриза ослабила общую конструкцию судна. Теоретически и более слабая обшивка могла выдержать на данной глубине давление воды. Но фактически море начало забираться в лодку, когда она перешла за двадцать саженей глубины. Сухопутный теоретик в своем кабинете не предусмотрел добавочного давления от раскачивания погружавшейся лодки к основному давлению в 120 тонн. В итоге, боковая плита, обычно поддерживаемая банкой судна, теперь была сдвинута, чтобы очистить место для цилиндра Де-Фриза. Вот почему она поддавалась огромному давлению и несколько ее заклепок вырвало. Разом хлынули сюда потоки воды, прежде чем объятые ужасом моряки успели замкнуть водонепроницаемую дверь и изолировать затопленное место.

Дрейк быстро понял создавшееся положение. В глазах загорелась решимость и, быстро очутившись в минном отделении, он запер его двери. Ведь Х-5 еще не погибла окончательно. Затем он повернул обратно к башенке, центральному месту управления. Тридцать человеческих жизней находилось в его руках и он не должен допустить их до страшной гибели.

Неожиданно ему преградил дорогу Де-Фриз. В своем возбуждении Дрейк совершенно забыл про изобретателя. И теперь он злобно взглянул на этого человека с взволнованным лицом, трясущимися и побелевшими губами и нервно подергивающимися руками.

— Небольшая течь? — спросил Де-Фриз, тщетно стараясь скрыть весь свой страх перед грозной опасностью.

— Да, конечно! — спокойно и сухо ответил Дрейк, проходя мимо изобретателя к аппаратам управления.

У всей команды были донельзя напряженные лица. Все они сознавали чудовищную действительность и все ждали, что вот-вот снова раздастся треск разрываемой обшивки и новой смертельной струей ворвется к ним море. И когда Дрейк скрылся за водонепроницаемой дверью к своим рычагам и стрелкам, люди начали сбиваться в небольшие кучки, среди которых кто-то шепотом произнес ужасные слова: «Черная смерть!» Так называют моряки смерть в затонувшей подводной лодке.

— К насосам в минное отделение! — раздалась громкая команда Дрейка. Это был человек ясного ума, но и его захватил страх. Правда, этот страх у сильного человека рождает не панику, а только удесатеряет силы.

Пот лил ручьем с лица машиниста, ухватившегося за рычаг и поворачивавшего его с невероятной силой. Его точно также обуял страх и он всемерно старался отдалить ужасное лицо приближавшейся «черной смерти». Насосы ревели, а машины вертелись с такой быстротой, что начали дымиться. Но стрелка циферблата, на которой застыл взгляд Дрейка, словно прилипла к цифре «35». Эта глубина и грозила всей команде. В любой момент ослабевшие швы могли уступить огромному давлению, а ворвавшийся поток в один миг расплющил бы всех находившихся в лодке людей.

В течение двадцати минут все употребляли нечеловеческие усилия, чтобы продвинуть судно, в то время как Дрейк работал у аппаратов управления. Двадцать минут продолжалась лихорадочная борьба. И тонкие, молчаливые линии появились на губах у тех, кто еще так недавно с насмешливой пренебрежительностью относился к возможной смерти. Стук машин и насосов, отдававшийся в корпусе судна, изредка прерывался понуканиями Дрейка и ритмической командой Харборда: «Штирборт! Бакборт! Штирборт! Бакборт!»¹⁾

Все усилия были напрасны. Машинное отделение стало тюрьмой, наполненной ужасным едким запахом дымящегося смазочного масла.

— Харборд! — раздался голос Дрейка. — Иди к осциллятору и передай «Соколу», что мы здесь застряли.

— Есть, сэр! — ответил его юный помощник, спеша к электрическому вибратору, который мог бы под водой послать спасательные волны к приемочной мембране «Сокола». И через две минуты он уже вновь стоял перед Дрейком.

— Осциллятор затоплен, сэр!

— Не может быть!

— Это так, сэр!

Дрейк на одно мгновение закрыл лицо руками.

— Вы знаете, — тихо произнес он, — что никто не придет к нам на помощь, если мы не можем сигнализировать «Соколу».

Обоим морякам было совершенно ясно их отчаянное положение. «Сокол», не получая от Х-5 ответа на свои радио-сигналы, мог придти только к одному выводу: команда подводной лодки погибла и не нуждается уже ни в какой спешной помощи.

— И все-таки, старина, мы не должны терять мужества! Все наши ребята здорово перепуганы!

— И я также! — откровенно признался Харборд.

В дверях показалась фигура Де-Фриза. Все его лицо дергалось от постоянных усилий побороть свой страх перед ужасной смертью.

— Не попытаетесь ли вы использовать мой цилиндр? — прошептал он.

— Откровенно говоря, доктор, я еще ни разу не вспомнил о вашем цилиндре за все это тревожное время.

— Но в настоящий момент другого пути нет?

— Совершенно верно! В настоящий момент мы затоплены. Наши насосы не могут справиться с давлением на такой глубине, да и с помощью минных аппаратов мы не могли бы никого отправить на поверхность все из-за той же глубины. У нас нет достаточного балласта, чтобы изменить дифферент судна, а теперь мы утратили еще и связь с «Соколом». Все, что нам остается — торчать на этом самом месте.

— Но почему вы не испробуете моего цилиндра? — продолжал мягко настаивать изобретатель, у которого уже совершенно исчез былой тон снисходительного покровительства.

— Ладно, испробуем! — раздраженно ответил Дрейк подлинному виновнику настоящего безвыходного положения. И они все втроем направились к команде, расположившейся позади, в соседнем помещении. Там все знали, что помпы отказались работать, а сама лодка оказалась глухой, немой и слепой. И они знали, что смерть заглядывает им прямо в глаза. Это были храбрые люди, но одно дело встречать смерть в пылу борьбы или работы и совсем другое — беспомощно и молча смотреть на ее приближение в полузатонувшей подводной лодке.

— Ребята! — коротко заявил Дрейк своей команде. — Вам известно, что д-р Де-Фриз изобрел цилиндр, который стоит здесь, позади меня. Через этот люк вы можете

¹⁾ Штирборт — правая сторона судна, бакборт — его левая сторона.

войти в него и отделиться от судна. Имеющийся в цилиндре воздух должен вынести его на поверхность моря. Правда, все в него не залезут, но кто хочет рискнуть и счастливо выбраться, те могут в нем отправляться.

— Все это хорошо, капитан, но что вы сами думаете об этой спасительной штуке? — спросил машинист.

Дрейк пожал плечами.

— Я слишком мало знаю это изобретение. Правда, у меня есть все же свои сомнения в его способности выдерживать давление воды.

— А сами вы, капитан? — продолжал осведомляться машинист.

Дрейк отрицательно покачал головой.

— Забудьте обо мне! — просто сказал он. — Я командир и оставляю эту старую деву последним.

В его спокойных словах не было похвалы, ни рисовки, но только простая ссылка на факт. Но действие

Разом поднялся хор

этих слов на команду было изумительно. Разом поднялся хор голосов: «Я тоже!» «Клянемся!»

— Так-то капитан! — сурово заявил машинист. — Как видно мы все остаемся, разве только доктор сам попытается испробовать свое изобретение.

— Конечно, попытаюсь! — запальчиво подтвердил Де-Фриз, который даже перед лицом смерти не мог бы отказаться от своего детища.

— Могу я рассчитывать на ваше содействие? — обратился он к командиру.

— Конечно! — ответил Дрейк. — Но за успех не ручаюсь.

Подобно змею этот несчастный человек проскользнул своим длинным телом в отверстие цилиндра. Дрейк, плотно закрыл за ним водонепроницаемую дверцу. В гробовом молчании команда следила за необычайным отправлением. Дрейк положил свою руку на рычаг, который должен был отправить этот цилиндр на поверхность моря. Невольно все подались вперед. У некоторых уже прошел тот героический подъем, который был вызван командиром. И они видели теперь, как на их глазах исчезает последняя возможность спасения. Возможно, что Дрейк ошибался и ученый был прав. Как они могли судить об этом?

Дрейк все еще стоял у рычага. Прошло всего лишь несколько секунд, но, казалось, прошли целые часы с того

момента, когда послышался первый шум прорвавшейся к цилиндру воды. Вдруг он с криком повернул обратно рычаг.

— Я не могу отпустить его! Он тонет!

Вновь поставили на место запорные болты и отворили дверцу, которая прибавила Х—5 еще несколько галлонов воды. Дрейк просунулся вперед и вытащил Де-Фриза за плечи. Изобретатель уже захлебнулся, но был еще в сознании. Один из матросов принес свое одеяло, на которое его и положили. Он слабо поднялся на своем локте и со слезами, которые текли по его щекам, тихо промолвил: «Думаю, что я ошибся», — а затем протянул руку Дрейку.

— Вы должны спасти нас, командир! Только вы это можете.

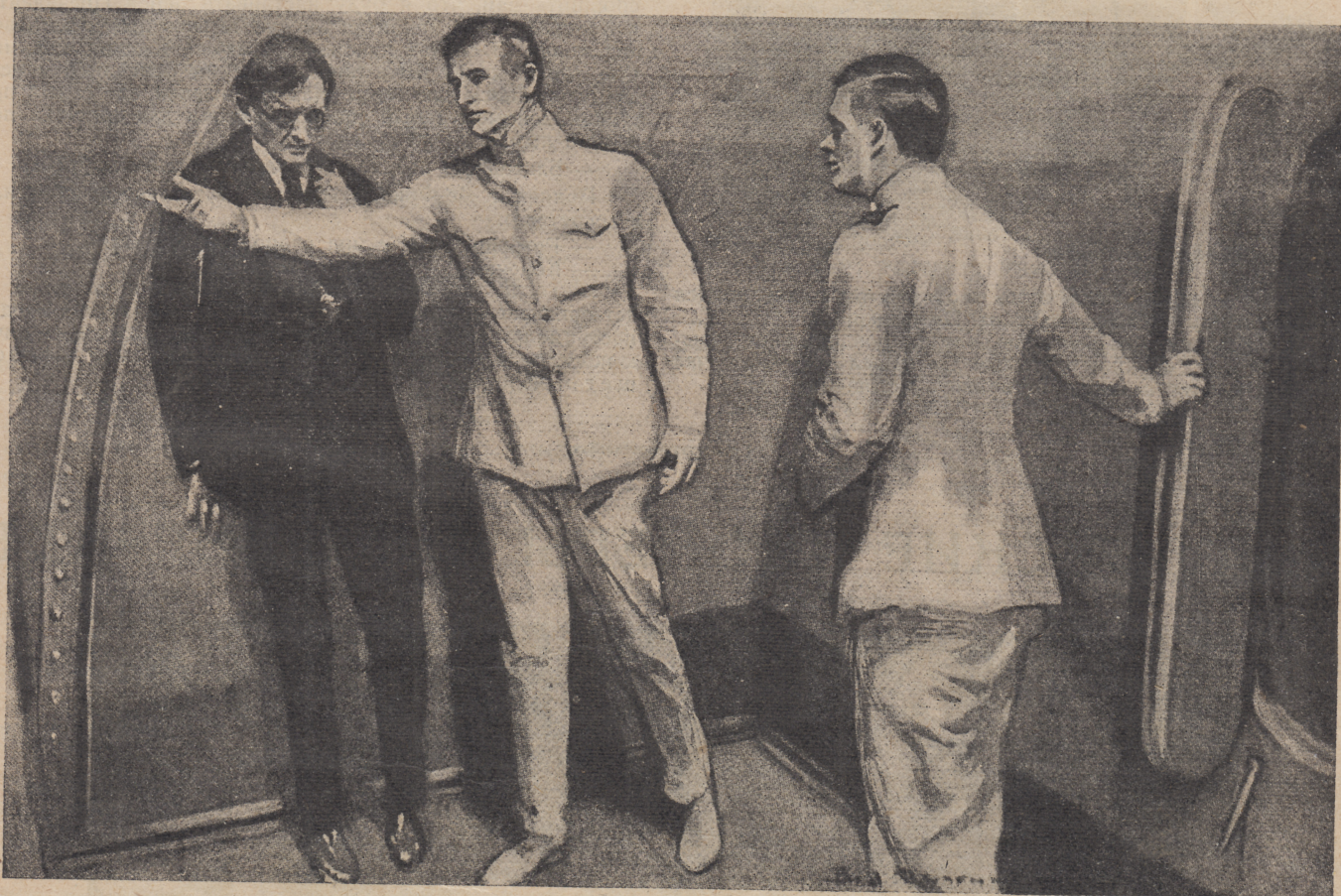
И в беспмятстве откинулся на свое одеяло.

Как стадо овец столпились люди около своего командира. Неудачный опыт Де-Фриза выветрил у всех бес-

Прошло уже 20 мучительных часов. Головы пылали и мысли едва двигались, но пленники упорно продолжали свою борьбу. Вдруг все почувствовали, что их поднимает кверху какая-то невидимая рука. И одновременно громкий треск раздался в носовой части лодки; то покатались некоторые из разнообразных машинных частей.

— Она поднимается, ребята! — раздался ликующий голос Дрейка.

Последовали новые лихорадочные усилия. Машинист вооружился молотком и, карабкаясь кверху, установил ватерлинию. План командира заключался в том, чтобы заставить Х—5 высунуться своим носом на поверхность моря. Он знал, что измененное положение лодки может открыть новые течи. Необходимо сделать отверстие в носу и связаться с «Соколом», прежде чем лодка начнет вновь погружаться. В течение 10 минут работали сверла в руках наиболее сильных матросов. А-а! — судорожно вздохнул

голосов: „Я тоже!“ „Клянемся!“

помощную панику. Дрейк снова должен был взять в свои руки управление лодкой, которая прямо душила команду своими едкими газами. Вереницами проносились в его голове всевозможные мысли, но ни одна не облакалась в практическую форму. Внезапно он хлопнул по плечу Харборда.

— Нашел! — воскликнул он. — Есть еще один возможный путь.

Все жадно на него уставились глазами.

— Вот моя мысль: мы должны разобрать машины и перенести их так, чтобы перемещением груза поднять носовую часть лодки и опустить ее корму.

Предложение было встречено такими радостными возгласами, словно Дрейк заявил им, что они выбрались уже на поверхность. Сам он сознавал вместе с Харбордом, что шансов на успех было очень мало, но в команде родилась такая уверенность в своем спасении, что некоторые даже принялись говорить о том удивлении, какое вызовет на «Соколе» появление их вынырнувшего из воды носа.

Дрейк для быстроты работы разделил людей на две партии, чтобы одна сменяла другую через каждые два часа. В удушливом дыму всякое мышечное напряжение было мучительным. Люди падали от слабости, но ни один не сомневался в конечной победе над бедой. Часы шли. Длинные, многоцилиндровые машины разбирались и перетаскивались человеческими руками. Х—5 немного выпрямился.

кто-то из сверливших, когда струя свежего воздуха пахнула ему в лицо. Но в следующий же момент он застонал: «Взгляните!»

Дрейк взглянул в просверленную щель. Действительно, они достигли, наконец, поверхности моря, но какого моря! Все шумело и гремело под черными грозowymi тучами и вздымавшимися огромными волнами.

«Сокола» не было видно нигде.

Это был конец. Пусть Х—5 продержится еще несколько часов в своем выпрямленном положении. Разве это поможет выбившейся из сил команде, которой с ее скудными инструментами и в целый день бы не просверлить в носу отверстия, достаточного для того, чтобы пролезть через него человеку. Да если бы и удалось всем им пролезть, разве могли они выдержать эту иступленную бурю!

Но и теперь командир не сдавался.

— Принесите шест, машинист! — распорядился он. — Прикрепите к его концу рубашку. Мы просунем его через щель в качестве флага.

Шли минуты, часы, и Х—5 медленно, но неуклонно начал вновь погружаться. В полночь только 10—15 сантиметров отделяли от поверхности моря просверленную щель, в которую заглядывала каждая большая волна. В эту бурную погоду «Сокол» не мог заметить погибавшую лодку,

которая могла продержаться теперь не более одного часа. Вдруг, окружавшую темноту прорезал яркий луч света. Что это такое? Пустой обман больного и измученного мозга или подлинный знак близкой помощи? Дрейк вновь

Люди падали от слабости

прильнул к своей щели и на этот раз он опять увидел яркий сноп лучей от прожектора. Их искали!

В тот же миг послышалось долгое, пронзительное завывание сирены. «Сокол» вернулся! Он нашел нас! — закричал Дрейк и тут же свалился от полного истощения сил.

В летописи американского флота полностью занесены подробности этого спасения Х—5. «Сокол» выбросил на поверхность моря огромное количество масла, чтобы успокоить волны около подводной лодки. Главный инженер руководил работами по вырезанию в носу Х—5 достаточного для спасения команды отверстия. Некоторых вытаскивали в полном беспамятстве и последним извлекли командира Дрейка, а через пять минут Х—5 уже захлебнулся и навсегда скрылся в подводной глубине.

Спустя неделю со времени гибели Х—5 состоялось заседание комитета, где единогласно установлено было, что спасательный цилиндр, может быть, и правилен в теории, но на практике он связан с ослаблением всей подводной лодки. Все еще больной и внутренне разбитый Де-Фриз не поднимал своих глаз.

Тогда секретарь обратился к Дрейку:

— Мне доставляет великое удовольствие, командир, сообщить вам, что я буду настаивать перед Президентом и Конгрессом на принятии именно вашего проекта подводной лодки. В случае нужды ее главные машины или минные трубы могут быть сняты со своих оснований и передвинуты к носу или корме. Как вы указали, это самый простой и действительный способ спасения для тонущей подводной лодки.

— Благодарю вас, сэр! — радостно ответил Дрейк.

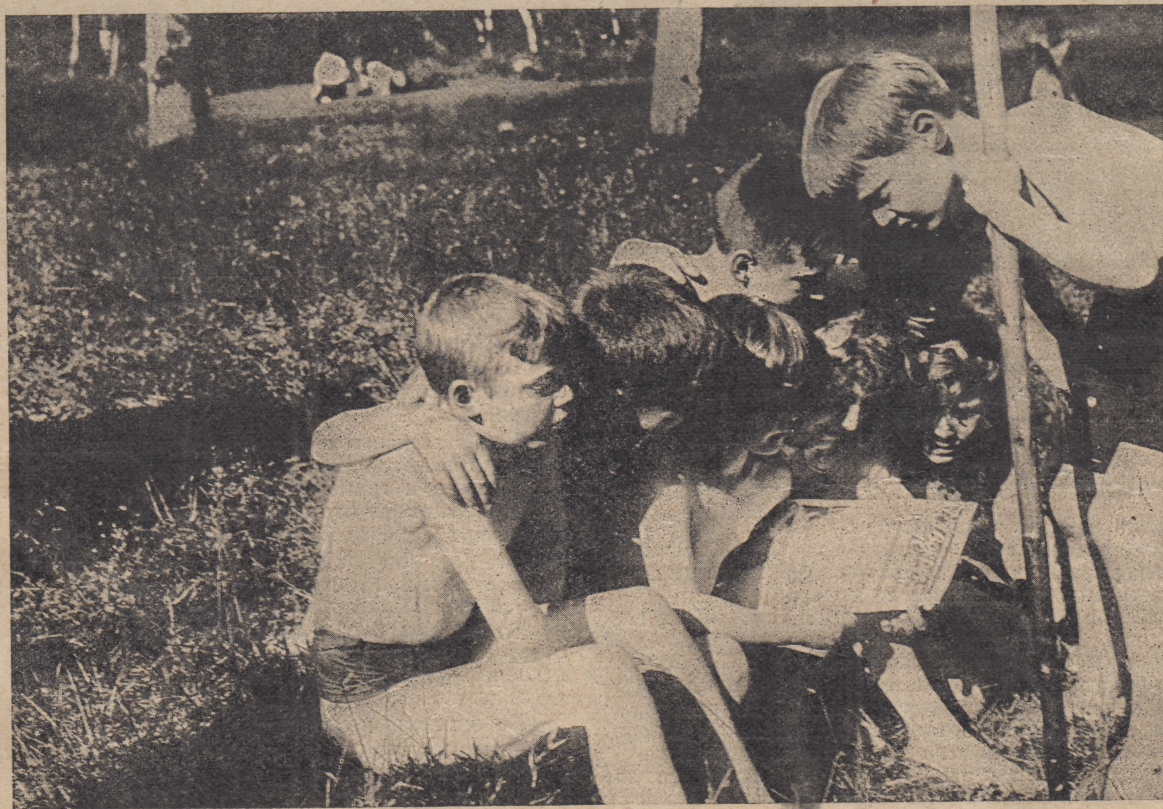
Поднялся Де-Фриз и, слегка пошатываясь, обратился к секретарю.

— Разрешите ли и мне слово, г-н секретарь.

— Конечно.

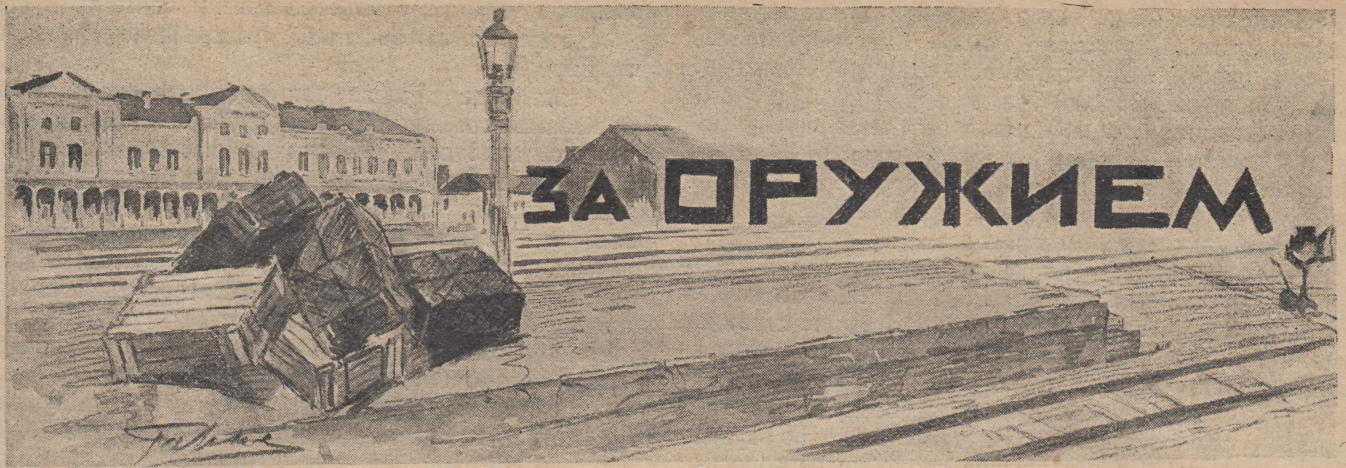
— Тогда я хотел бы добавить, что правительством будет признана и оценена также отвага и беззаветная преданность долгу командира Дрейка, — и, повернувшись лично к нему, он закончил: — Я хотел бы позвать руку настоящего человека!

АНГЛИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

В конце июня на советском пароходе приехали в Ленинград дети английских рабочих, хотя правительство консерваторов и отказало им в выдаче паспортов.

Английские ребята свое знакомство с жизнью и работой наших пионеров начали с осмотра лагеря по Ириновской ж. д. Здесь, в перерыве между играми, они и принялись рассматривать популярный у наших пионеров «Вокруг Света».

Рассказ Б. БЕЛЬТЕНЕВА

Иллюстрации Г. ЛАНГЕ.

Действительный случай из революционного движения 1905—06 г.

Звон посуды, шум и гул голосов, воздух густо пропитан сизым табачным дымом. Длинные столы покрыты облупившейся клеенкой. Часть посетителей, стоя в проходах между скамьями, оживленно беседует, часть торопливо обедает.

Это — столовая Технологического Института в Петербурге. Открытая в 1906 году не только для студентов-технологов, но и для посторонних, «столовка» — место встреч и условных свиданий для конспиративных работников разных подпольных политических партий.

Привыкший к здешней сутолоке, беготне и лицам завсегдатаев, Ворожилов, известный в партии под кличкой «Сережа», только что вошел в столовую и быстро розыскал нужных ему людей. Мимоходом бросил несколько фраз маячившему у стола студенту в университетской тужурке, передал сверток бумаги сидевшей у стола девушке. Подойдя к кассе, Ворожилов взял обед, вооружился ножом и вилкой, занял очередь за первым блюдом обеда. Он знал — в его распоряжении еще 20 минут и до встречи с Андреем Андреевичем он успеет перехватить. Нарочно выбрал место за столом, где народу было поменьше. Ровно в два часа увидел знакомую сухую, энергичную фигуру. Высокий, слегка сутуловатый, серые подслеповатые глаза, черные раскидистые волосы, Андрей Андреевич торопливо подошел к Ворожилову и тепло потряс ему руку. Сели рядом.

— Слушайте, Сережа, постарайтесь только запоминать и ничего не записывать. Вам завтра с вечерним поездом необходимо выехать в Сувалки, принять транспорт с оружием. Дело путаное. Паспорт, явку и пароль получите позднее. Денег на поездку надо?

— Обойдусь своими. Сегодня успею взять билет на Конюшенной, — всавил Ворожилов.

— Нет, сами билета не берите, билет вам принесет сюда Нина. Передаст записку, нашим шифром занесены пароль и явка. Вы знаете товарища Мирона? — Ворожилов утвердительно кивнул головой. — Будьте осторожны, вам придется иметь дело там с отчаянными контрабандистами. Они хоть и своя публика, а все же чорт их разберет. Ведь за деньги и нашим и вашим. За этих ручался Мирон, ему мы вправе верить. Ну, прощайте, дожидайтесь Нины. Вы передали сверток Магде? После провала в Финляндии налаживаем транспорт через Германию... Вы опытный, не промахнитесь.

Ворожилов почувствовал всю ответственность поручаемого ему дела и вместо ответа крепко сжал руку Андрея Андреевича.

— Да, кстати, чуть не забыл, — заторопился Андрей Андреевич. — В Сувалках через три дня, конская ярмарка; приедете туда, так идите подыскивать лошадей на ярмарке... Понимаете? Брать вещей не надо, разве чемодан. Ну, да вас учить нечего. Если что случится, найдите возможность сразу сообщить Ольге. Прощайте.

Получив от Нины железнодорожный билет, паспорт на имя Казанского и записку, Ворожилов дома разобрал: «Сувалки, Дворянская улица, дом № 69, меховой магазин. Спросить Берту. Сообщить: прибыл из Петербурга, от товарища Мирона. Необходимо увидеть Нахмана. Последнему передать цель приезда. Ящики с оружием сдать в багаж пассажирской скоростью на Петербург».

Работая уже второй год в технической группе при ЦК фракции большевиков, Ворожилов хорошо усвоил принципы конспирации, а природный спокойный характер, деловая находчивость и рассудительность выработали из него незаменимого члена группы, спаянной тесно не только общностью идей, но и тем особым интимным чувством доверия и сердечности, которое знают только подпольные партийные товарищи. Кроме того, Ворожилов был тверд, решителен и, где требовалось, отважен, — все качества хорошего боевика, каковым и прослыл среди своих.

Тощий мартовский морозец весело царапал щеки Ворожилова, когда он на следующий день подъезжал к Варшавскому вокзалу. Взял носильщика, отдал ему чемодан, привычно рассматривал проходившую публику особым чутьем конспиратора, по едва заметным движениям угадывал филеров. Заметив, что не в поле их наблюдений, задорно усмехнулся. Поезд домчал Ворожилова до станции Ораны. Здесь пересадка. Пришлось ждать ровно полсуток поезда на Сувалки. После петербургского мороза странно видеть так скоро зеленеющее поле. Ворожилов от нечего делать перешел полотно железной дороги и углубился в лес, собирая подснежники. Хотелось предугадать, проанализировать, предусмотреть все возможности дела. Билась мысль, дрожали нервы, заостренные, чутко взъерошенные.

Усталый и возбужденный воротился он на перрон вокзала. Пассажиров на Сувалки было немного. В лица всех особенно зорко всматривался, подмечая, наблюдая, вглядываясь. Но врагов не чувствовалось. Стало легче и вольготнее. Сел на скамейку, стал пере-

бирать подснежники. Мимо медленно проходил пассажир и пристально всматривался в Ворожилова. Беспечность разом сменилась жуткой настороженностью. И вдруг в голове Ворожилова мелькнуло: «Где я его видал?» Длинный нос, небольшая вертлявая, как у синички, головка?! Да, да, знакомое лицо... И вспомнилось... Почти год... на явке у Бахрушина. Стороной узнал — засыпался, судили, дали Нарым... Неужели это, как его... Валерьян!

В свою очередь и пассажир что-то напряженно вспоминал и сверлил глазами Ворожилова. Подошел, вынул портсигар, попросил спички. И вдруг, странно улыбаясь, хотел протянуть руку, но остановился. Оба почувствовали, что знают, но оба настороженно отнеслись к прошлому. Инстинкт самосохранения позвоночному сжал сердце. Оба нутром схватили неуловимое — правду. Но оба внешне спокойно перебрались незначительными фразами, прикурили, разошлись. В буфете еще раз Ворожилов встретился со смутившим его пассажиром. Говорили нехотя, всматривались, прощупывали друг друга. Теперь Ворожилов не сомневался: перед ним в кепке стоял Валерьян. Нахлобученная кепка не маскировала цвета желтоватых глаз, только общее выражение было странно напряженное и немного пугливое. Подали поезд, проезжающие торопливо занимали места в вагонах. Ворожилов и пассажир в кепке, когда тронулся поезд, снова столкнулись в одном отделении вагона. «Словно в поезде не могли разойтись» — подумал Ворожилов. Отвернулся и долго смотрел в окно, а потом стал искать глазами пассажира в кепке. Тот, облокотившись на соседа, мирно спал, вздрагивая в такт мчавшегося поезда.

— Проверить надо. — Вспомнились слова Андрея Андреевича: «Путаное дело». Что он хотел этим сказать? Откуда-то из тайников поползли вкрадчивые подозрения. Поезд стал замедлять ход. Деланно шумно, желая обратить на себя внимание, Ворожилов встал, не торопясь взял чемодан и стал пробираться к выходу из вагона. Поровнявшись с «кепкой», неосторожно толкнул, громко извинился. «Кепка» продолжала мирно дремать. Выходя из вагона на площадку неожиданно обернулся, как бы с вопросом к шедшему сзади пассажиру, и в то же время испытующе скользнул глазами по «кепке». Показалось — на дремавшем лице сонно вздрогнули ресницы и сквозь узкую щель век сверкнула полоска глаза.

Выйдя на платформу, спросил кондуктора, сколько минут стоит поезд. Получив ответ, прошел в буфет, сел у окна, стал лениво рассматривать вагоны и медленно прогуливавшуюся перед раскрытыми окнами публику. С подножек вагона то спускались, то поднимались обратно в вагоны пассажиры, торопливо гремя чайниками. «Кепки» не было ни в окне вагона, ни на площадке, ни на перроне. «Второй звонок — поезд отправляется на Сувалки!» — выкрикнул в зале первого класса сторож. Ворожилов покосился на вагон с «кепкой», мысленно прикинул расстояние, просчитал число вагонов сзади, закурил. Достал кошелек, не торопясь рассчитался. При выкрике... «третий звонок!» встал и, чуть тронулся поезд, вскочил на ходу в задний вагон. Задержавшись на площадке, оглядел медленно двинувшуюся перед глазами платформу. Никаких признаков слежки, никаких движений филеров.

В Сувалках Ворожилов запутался в густой струе мятущихся пассажиров, неожиданных встреч, радостных восклицаний. В глаза бросилась монументальная фигура железнодорожного жандарма. Обруселая Польша глядела грязными, истертыми домами, сгорбленными фигурами проходивших обывателей, в длин-

нополых сюртуках, с взъерошенными пейсами. Бросалась в глаза масса военных, чувствовалась близость границы.

В гостинице передал для прописки паспорт на имя Казанского. Основавшись один в номере, достал браунинг, осмотрел, проверил обоймы. Час спустя пошел разыскивать меховой магазин Берты. Настороженно разыскивая улицу, уперся в дом № 69. Внизу нищенски ютились плотно прижатые друг к другу магазины. Взад и вперед прошел перед фасадом дома № 69, по Дворянской улице — вывески мехового магазина не было. Зашел в парикмахерскую, спросил. Ответ: никакого магазина мехов, ни просто скорняка-кустара в доме 69 нет. Здорово! В указанной явке либо перепутана улица, либо номер дома? Неужели на всех улицах Сувалок придется искать дом № 69 и меховой магазин, или только на Дворянской улице искать меховые магазины? Обходить их и спрашивать Берту? Обозлился на легкомысленность «своих» и мысленно крепко выругался. Явиться обратно ни с чем, потеряв время — ребячество. Попробую цифру 69 перевернуть на 96. Перешел на сторону четных номеров домов на улице и прибавил шаг. Действительно, дом номер 96 — меховой магазин. В низку, грязный, с облезшими чучелами зверей в окнах. Спустился по ступенькам. Вошел. Покупателей нет. Спросил полную, приплюснутую к земле, широкотазую женщину у прилавка.

— Не вы ли Берта?

— Что вам угодно, господин? Берта — это я.

— Я от товарища Мирона.

Приветливое лицо хозяйки магазина сморщилось. Испуганно оглянувшись кругом, ткнулась глазами в стекла окон, метнулась к двери. Сказала:

— Пройдите сюда, вот в эту дверь, подождите.

Липкая дверная ручка, обмотанная тряпкой, шлепнулась в руку Ворожилова. Навалившись сильно, толкнул от себя обитое клеенкой дерево. Навстречу, из нутра комнаты, прыгнули гортанные голоса. Там несколько человек, сильно жестикулируя, о чем-то кричали разом, приседали, размахивали руками, ударили друг друга по плечам и бедрам. Ворожилов прикрыл дверь. Остановился. Тусклый свет болезненно полз из окошка. «Дикий метод беседы хотя, повидимому и дружеской: один кричит пятерым и всех разом слушает».

Непривычное ухо Ворожилова схватывало коверканые немецкие слова, польский пафос и еврейский глухой тембр, доводящий голос до придавленной хрипоты. Стал всматриваться. Нервные и порывисто вытянутые лица, обдерганные пиджаки, костлявые и резкие движения. Вошла Берта и, подойдя вплотную, по-русски сказала: «Тише, здесь же не базар. Вот приехавший товарищ, — указала на Ворожилова, — хочешь увидеть Нахмана. Где он? Когда здесь будет?»

Отделившись от других и нагнувшись к Берте, один из посетителей начал быстро картавить на жаргоне. Берта оборвала и обернулась к Ворожилову. «Это друзья Нахмана, его здесь нет, он в Рачках, верст 15 отсюда, у самой границы. Сегодня он не будет здесь. Завтра у меня вы с ним встретитесь в 12 часов дня. Если надо срочно — поезжайте в Рачки сейчас; дилижанс идет через ½ часа. Вот — она указала на двоих — эти господа тоже едут и они вас проведут до дома Нахмана».

Ворожилов отказался. Вся картина произвела на него какое-то жуткое впечатление. Прощаясь с Бертой, бросил: — Завтра в 12 часов буду. — На улице почувствовалась усталость, и другие настроения стали охватывать Ворожилова. Вспомнились вечера на

Съезжинской улице, дорогие лица товарищей. После рискованных дел с пироксилином, динамитом, ручными гранатами — тихая беседа, музыка... Словно не смерть каждый миг могла быть их судьбой.

Наступило утро, а с ним сила, уверенность, бодрый задор. Вот он снова в каморке Берты. Из-за угла вынырнула невзрачная фигура в котелке, с тросточкой, маленькая, узловатая, живая как ртуть.

— Я — Нахман, — высоким фальцетом выкрикнула фигура. — Вы ищете меня?

— Да, вас, — ответил Ворожилов, утопив в своей широкой руке вздрагивающую нервную руку Нахмана. — Я из Петербурга, от товарища Мирона. Приехал принять и отправить оружие. Через границу оно вами переправлено. Мы об этом уведомлены. Когда и где я могу это сделать. Просил бы закончить со мной дело скорее.

— Ну, а как себя чувствует тов. Мирон? — словно уклоняясь, задал вопрос Нахман. — Я его давно жду здесь для заканчивания наших денежных счетов.

Бросая фразу, Нахман все время вертелся, быстро меняя позу, положение и место в комнате. Тросточка в его руках вращалась между пальцами так стремительно, что Ворожилову казалась она сплошным, быстро несущимся диском.

— Понятно вам, товарищ, до наших расчетов нет дела, но Нахману все же нужны деньги, много денег, много расходов...

— Тов. Нахман, — твердо отчеканил Ворожилов, — скажите, когда и где я могу принять от вас оружие?

— Оно закопано около Рачек, надо ехать, сегодня к вечеру условимся. Сейчас не могу сказать... много дела. Вы где остановились?

Ворожилов назвал гостиницу. Нахман учащенно заморгив головой. Он знает эту гостиницу. Чего только не знает Нахман. Хорошо, он придет туда в 7 часов, ждите. Ваша фамилия? — Казанский, комната № 8, бель-этаж. Хорошо. — Расстались.

Смутное беспокойство, не покидавшее Ворожилова, ожило, ширилось. В поведении Нахмана нельзя было усмотреть ничего, кроме простой коммерции контрабандиста, но его нервность отвратительно действовала — во всем этом человеке было столько неуловимого, фальшивого, ускользающего. «Вот еще «налим» — чуть не вслух наметил Ворожилов. Прошел на конную ярмарку. Там, хлопая по развалившемуся крупу раскормленных гнедых, чалых, караковых, залезал глазами в распертый лошадиный рот и, держа крепко язык, делал безошибочно наметку на года. Горячился, тыкал взятым у цыгана кнутом на слабое конское коло.

Стрелки больших городских часов, наматывая на свои железные концы время, глухо проббили пять. Ворожилов стал выбираться из ярмарочного пекла. Разгоряченное лицо охватила вечеряющая прохлада. Уходя в затуманенные переулки, незаметно участил шаги. Ухо, привыкшее к размеренному темпу своих шагов, не обращало на них внимания, но вдруг застучали сзади другие звуки, торопливые, чужие. Настороженно вслушался. Ускорил шаги, четкое ухо чужих ног подхватывало размер. Пошел тише, гул преследования замедлился. Не оборачиваясь, но меняя темп движения, проверял. Свернул в пустой переулок, шаги следовали сзади в том же темпе, сохраняя расстояние. «Слежка!» Понял безнадежность, круто повернул и пошел в гостиницу. Там раскинулся и бросил не читая взятое для отводу глаз «Новое Время». Время установленной встречи с Нахманом прошло. Озноб неудачи начал трясти, ожидание тупо упало. Положив голову на руки, строил всякие пред-

положения, искал причины. Недоверие, обман, путаница... Или Нахман не удовлетворен расчетом с нашими... Те, кто дал распоряжение ехать сюда, все знали: и алчность Нахмана, и обстоятельства дела. Тут ошибки быть не может. Слишком точны наши «генералы». А что если? Выдавливая слезы ужаса и раздирая горло, из перекошенного рта Ворожилова выползло — «провокация».

В двери громко стучали. Тупо обернувшись, отчетливо бросил: «Войдите». Шаркнула дверь, хлопнула. Перед ним стояла «кепка».

— Не хватайтесь за револьвер, товарищ, я свой. Невольно я попал в колею вашего дела. Сегодня Нахман не придет.

«Кепка» говорил просто и сердечно, но Ворожилов ждал удара и весь подобрался для его отражения. Глубоко запустив руку в карман, он чувствовал шероховатость и холодок стали предохранителя у своего браунинга.

— Я — Нахман, — выкрикнула фигура.

«Кепка» подошел ближе, придвинулся, сел против Ворожилова.

— Где-то, у самого сердца партии, есть провокатор. О вашем приезде сюда и цели известно в жандармском управлении. Для провала груза поставлена на ноги вся охранка. Первая партия уже захвачена в Вильно. Вы, видимо, приехали за следующей. Три часа тому назад я видел Нахмана на явке. Он спрашивал членов здешней группы, как ему поступить с вами. По его сведениям вы — провокатор.

Ворожилов от изумления задрожал.

— Не волнуйтесь, — бросил «кепка», — если бы я не чувствовал к вам доверия, меня бы здесь не было. Кроме того, я помню вас по Питеру, о вас слышал хороший отзыв от Никитича.

— Вы Валериан? — вырвалось у Ворожилова.

— Да, — просто сказал «кепка».

— А Нарым?

— Я оттуда бежал и сегодня ночью перехожу границу. — Волна сдерживаемого доверия готова прорваться у Ворожилова.

— Если это так, я буду вас слушать, — отчеканил он «кепке», — а то прекратим разговор. У меня нет уверенности... «Кепка» перебил:

— Ваше право во мне сомневаться, но я-то в вас не сомневаюсь. К делу. Нахман держит связь с здешней охранкой. Получив оттуда сведения и желая вас изобразить провокатором, он предлагал вас убрать. У них, контрабандистов, это делается просто. Оставьте Сувалки и немедленно уезжайте; еще сегодня поспеете на поезд.

Ворожилов молчал.

— Чего вы молчите? Нужно срочно предупредить о провокации. Катастрофа в этом деле — беда, обрушится — задавит много товарищей. Здесь военное положение, военно-полевой суд. Коротко — расстрел. Да и в Питере отзовется.

— Я знаю, — как бы нехотя бросил Ворожилов.

— Здешняя группа, — продолжал «кепка», — решила поставить ЦК фракции в известность, но ведь если провокатор человек близкий, он во-время все перехватит и примет меры. Об этом нужно сказать только Никитичу. А вот вы чьей-то преступной рукой брошены просто на провал.

— Если у Нахмана связь с охранкой, зачем же он не передаст весь товар ей? — встрепенулся Ворожилов.

— Тут расчет, простая корысть, да и ценность Нахмана. Провалив дело сразу, он потеряет. А может быть в сложной психологии Нахмана отведено каждому свое место: и контрабанда и революции и охранке. Одно только предполагают здесь: провал в Вильно не без его участия.

— Но как же, — задал вопрос Ворожилов, — он бывает на явке?

— А тут своеобразная честность... Ему не расчет порывать связь с революционерами, да еще и со своими земляками. Вы — другое дело. Вас — неизвестного можно, а здесь — ни-ни.

— Так вы думаете, Нахман кровно заинтересован в моем провале? — спросил Ворожилов, не понимая к чему клонит «кепка».

— Из бесед после его ухода со здешними товарищами я вынес именно такое впечатление.

— Ну, а как же он это сделает? — любопытствовал Ворожилов.

— Нахман здесь сила. Он сдаст охранке и товар и человека. Оба сразу наличо.

— Так вы, Валериан, определенно не верите Нахману? Считаете, что в этом деле он идет вместе с охранкой. Провокатор, по-вашему, здесь или в Питере?

— У вас, в Питере.

— Вся партия оружия, переправленная через границу Нахманом, обречена на провал?!

— Да.

Опустив голову, Ворожилов, подавленный, замолчал.

— Тяжело, — уронил Валериан.

— Все может быть, — медленно начал Ворожилов. — Мне сказали наши — дело путаное. Да, действительно, все кошмарно спутано провокатором, большим провокатором, готовым погубить всю нашу партию. Если я сейчас уеду, лица провокатора не выяснить. Я остаюсь. В случае удачи узнаю — кто этот предатель, в случае провала — меня расстреляют одного. Я сам бессознательно чувствовал неладное. Теперь вы открыли мне глаза — спасибо. Перейдете границу благополучно, справьтесь обо мне у Никитича. Если в живых меня нет, это дело рук Нахмана и другого... неизвестного.

— Так вы не едете обратно, Казанский? — волнуясь перебил Валерьян.

— Нет.

— Сумасшедший! Валериан вскопчил, нахлобучил кепку, как-то странно всхлипнул, задрожал. Ворожилов заглянул. Нервы «кепки» не выдержали, он плакал, комкал носовой платок и, придавливая рыдания, вдруг порывисто обнял Ворожилова.

— Прощайте! Если понадобится, здесь на вокзале есть свои, среди носильщиков... бляха № 15 и 28. На всякий случай... скажите — от Валериана.

Слова, как слезы падали, мокрые, отрывистые, горькие.

— Благополучно перебирайтесь, Валериан! — тихо, после напряженного молчания, уронил Ворожилов.

— Только случай может оставить вам жизнь, Казанский, прощайте! Крпко пожали руки, Известное их сблизило, на мгновение слило в общем экстазе и снова разъединило... навеки... Расцеловались.

Замерли последние отзвуки шагов Валерьяна в коридоре гостиницы. И навалилась могильная тишина.

Утром с содроганием ждал Нахмана. Твердо уверен был в его приходе. После бессонной ночи глаза горели отблеском меди, возбуждение росло. Он не ошибся. Около 9 часов утра в дверях номера восьмого металась фигура Нахмана. Он извинялся, фальшиво сожалел. Говорил суетливо, нервно, приподнято. Ворожилов следил за каждой черточкой лица Нахмана. Схватывал каждое движение и по-своему расценивал. Огромная серая ложь, нахлынув, заволокла. Нечем было дышать.

— В 3 часа выезжайте, Казанский, со мной, мы едем на наших лошадях. В общей линейке могут узнать. Едем в Рачки. Там все примете. Нахман честно платит по векселям.

Ворожилов поддержал. Он в 3 часа будет.

Винтообразно пробуравив пространство, Нахман, исчезая, кинул отсечкой:

— В 3 часа от Берты.

С его уходом наступил покой. Что дальше? — не волновало Ворожилова. Раскрыл чемодан, собрал вещи. Попросил счет и документы. Расплатился. Ровно в два часа взял извозчика, отправился на вокзал. Прошелся по залу 1-го класса. Узнал, когда идет поезд на Варшаву. Неожиданно повернулся и исчез в суете копошившихся пассажиров. Вышел из вокзала, перешел улицу и уже на извозчике поехал к Берте. Проследил — наружных филеров не было.

Ровно в три часа у Берты поджидал Нахмана. Контрабандист пришел, обвешанный покупками. На дворе сели в поджидавшую бричку. Уткнувшись в приподнятый воротник пальто, нехотя всю дорогу слушал болтовню Нахмана. И ему казалось, что за внешней суетливостью Нахмана он улавливает то настоящее, что надумал контрабандист и на что решился.

Показались дома, хижины, лачуги Рачек. Низенькие и серые, они раскинулись, как кочки на болоте севера. Такие же кругленькие, выдавленные из земли, ненадежные. Нахман отпустил лошадь, повел Ворожилова задворками. Миновав грязную площадку двора, спустились по ступенькам. Глинобитный пол, два передернутых на бок окна. Было сыро, темно, пахло казанским мылом. — Где-то динамит. Характерный запах! — схватил Ворожилов. Нахман достал спичек, зажег лампу. Сероватый свет от закопченного стекла лампы не достигал стен. Таинственно по углам ползала темнота... — Вот подождите! — выкрикнул Нахман и пропал, словно провалился в нише стены. Спустя немного, Ворожилов услышал шум,

сдержанные голоса, глухие удары каких-то предметов о стены. Почти одновременно из двух черных провалов вынырнули сгорбленные фигуры, они несли груз. Положили на полу, около светового пятна от лампы, пять ящиков. Отошли, зашушукались, зашептались, очертания их затерялись в окружающей темноте. Освещенный лампой, Ворожилов чувствовал на себе острые, колющие взгляды нескольких пар глаз от стены. Усел. Попытался сам, оступился и чуть не скатился по лестнице куда-то вниз. Сдержав равновесие, осмотрелся. Из провала, появился Нахман.

Пучек электрического света вдруг забежал по Ворожилову, ошупал фигуру и больно ударил по глазам. Тот сделал над собою усилие и снова моментально открыл глаза. В руках Нахмана фонарь, как прожектор, осветил помещение и уперся лучами в отдаленный угол.

— Ай, я побоялся, товарищ Казанский, как бы вы не оступились... Вот здесь у нас люк и лестница вниз... забыли закрыть! — угодливо и нахально сказал Нахман.

— Эти ящики для меня? — перебил Ворожилов.

— Для вас, товарищ. По уговору с товарищем Мироном я должен был передать вот эти пять — в них браунинги и маузеры.

— Вскрыть надо! — глухо, но отчетливо отрубил Ворожилов.

— Ах, неужели Нахман подменит? Эй, вы там!..

Из ниши вышли к свету пять человек. Их злое, нахмуренные, каменные лица не предвещали Ворожилову ничего хорошего.

— Гвоздодёрами и осторожно вскрыть ящики и эти же гвозди опять в дело! — командовал Нахман.

— Вот, смотрите, товарищ! — Ворожилов проверил, все в порядке. Браунинги крупного размера аккуратно переложены. Дальше — то же. Просмотрели все пять ящиков, хладнокровно, спокойно. Контрабандисты снова привели укупорку в прежнее состояние. Зашили каждый ящик в рогожу, перевязали веревками.

— Ну? — надоедал Нахман.

— Верно, принято! — отбросил Ворожилов.

В окна слабо застучали, забарабанило и по крыше. Нахман подошел к двери, приоткрыл. Свежий воздух почувствовался.

— Дождь пошел. Как же ехать? Придется ждать, товарищ Казанский. В такую погоду не поездка. Может быть закусь?

Ворожилов согласился. Равнодушный и спокойный вид, ничем не обеспокоенный. Нахман испытующе наблюдал.

— Здесь? — спросил Ворожилов.

— Нет, придется спуститься вниз, — гримасничал Нахман.

— А ящики?

— Никто их не тронет.

— Раз я их принял, без наблюдения не оставлю! — решительно нажал Ворожилов.

— Ну и как же?

— Вам, Нахман, придется принести или послать еду мне сюда.

— Уже не боитесь ли? — ехидно вставил Нахман.

— Придется принести сюда, — слышите? — твердо этак Ворожилов, — или не надо совсем.

— Какой вы, товарищ Казанский, нетерпеливый. Я сам принесу. — Нахман зажег свой фонарь, осветил вниз лестницу, начал спускаться. Оставшись один, Ворожилов поспешно снял лампу и стал осматривать комнату. Продвигался медленно. На одном из поворотов, у самой стены, выросла угрожающая фигура.

— Товарищ, что здесь искать. Поставьте лампу. Уйдите! — резко выкрикнул голос. В вытянутой руке незнакомца что-то злое блеснуло. Отшатнувшись, чуть не опрокинул лампу. Озираясь, обвел глазами дверь, окна. Там, прижавшись к стеклу, в него уставились два пронизывающих глаза. Мелькнул силуэт. Опустив руку в карман, Ворожилов схватился за револьвер. «Попал в ловушку!» — чуть не выкрикнул он.

— Эй, что тут...? — входя и заметив движение Ворожилова, засуетился Нахман. В руках его тарелка с едой. Вот, товарищ Казанский, закусите... Дождь пройдет и я вас провожаю.

— Слушайте, Нахман, я у вас арестован?

— Ой, ой, что вы!!!

— Вон там, в окне кто-то... В углу то же, наган в руках. Сторожите со всех сторон. Эти шутки надо бросить...

Отшатнувшись, чуть не опрокинул лампу.

— У нас здесь всегда свои часовые. Ведь вы попали не в частную квартиру... Когда здесь такой опасный товар, ну как же не бояться. Пограничники, шпионы... А уходить отсюда нельзя без нашего позволения, нельзя. Такой порядок. Чужих здесь не бывает, чужим здесь приходится плохо. — В голосе Нахмана звучала и угроза. — Ведь вы, Казанский, сами конспиратор, знаете?!

Ворожилов небрежно спросил: — Что здесь за запах, что есть еще нашего, Нахман?

— Ничего, ваши только пять ящиков!

— А динамит? — неожиданно бросил Ворожилов и впился глазами в контрабандиста.

— Какой динамит? Откуда?! — боязливо заволовновался Нахман.

— Что здесь динамит, я знаю, для кого он у вас, Нахман, я тоже знаю. Говорите прямо! — наугад кидая Ворожилов, пристально следя за выражением лица противника.

— А откуда вы знаете? — проговорил тот.

— Вот что, Нахман, оставьте со мною игру. Вы зашли далеко, затеяли что-то скверное... Бойтесь! — Ворожилов стал наступать на Нахмана.

— Что вы, Казанский, что говорите! Здесь вздумали мне грозить. Боюсь, что у вас слишком опасный нюх. Скажу просто — динамит. Но вам этого знать нельзя, не следует. В дождь я все равно не поеду — к утру разнесет тучи. Я же вам сказал — я провожаю. Чего бояться? Что Нахман сказал — уже сделано. Пора уходить! — В этой обстановке Нахман был важен, решителен, угрожал.

— Что задумали, бросьте! — строго подчеркнул Ворожилов. — Для вас, Нахман, кончится плохо.

— Плохо, только не здесь! — пробормотал усмехаясь Нахман, повернулся к локу и стал спускаться по лестнице вниз.

— В гнезде негодяев целиком в их руках. Но... — дерзкая мысль мелькнула у Ворожилова. — Что, если? Поблизости динамит... Применят насилие, тогда взорвать все это логовище контрабандистов! — Убавил фитиль лампы и шлепнулся на диван. Лежал долго, слушал, угадывал направление. Осторожно привстал, побрел наощупь. В темноте наткнулся на тюки. Не ошибся, здесь был динамит. Смерил шагами расстояние, точно проверил направление от дивана до тюков. Теперь не боялся. Лег, рядом положил револьвер и так лежал до рассвета, каждую минуту готовый выстрелить, взлететь на воздух сам, захватить и Нахмана и всю банду.

Бессонная, настороженная ночь. Свинцовыми стали веки, руки немели, глаза царапал песок бессонницы. Безопасность приходила с рассветом. Дождь прошел. Внизу на лестнице завозились шаги. Нахман пришел одетый по-дорожному, в котелке, с тросточкой; следом поднялись и вчерашние лица контрабандистов.

— Вот и в путь, Казанский, багаж ваш захватим. Это в телегу, — он указал на ящики. — Пронесите через двери... Нам придется, Казанский, спуститься вниз и выйти в поле. Сделайте на ящиках отметки, вы ведь не верите нам. За товаром итти нельзя.

Ворожилов не протестовал. Условно разметил ящики. Контрабандисты наваливали их на плечи, помогая друг другу. При наступлении света таинственный облик комнаты пропал. В стороне виднелись очертания тюков с динамитом. Удивляло количество дверей. Словно отсюда во все стороны были ходы, галереи, туннели. Носильщики с грузом пропали в разных нишах. Только доносился шум их шагов да гулкие удары ящиков о стены. Казалось, они шли узкими коридорами.

Ворожилов спустился вниз, вслед за Нахманом. Очутился в проходе, узком, темном, пахнувшим плесенью. Нахман засветил фонарь. Ворожилов осторожно вынул браунинг и наготове держал за спиной у контрабандиста. Шли долго разными переходами. Казалось иногда, что где-то рядом раздаются человеческие голоса. В одном из закоулков заметил груды разных тюков. Вдруг пахнуло свежим воздухом, и из-за поворота полился утренний свет. Выход, среди кустов, выбросил Ворожилова и Нахмана в поле.

— Вон, — Нахман указал на приближающееся пыльное кружево, — уже и лошади. Пойдем на дорогу, Казанский!

Верно... В широкой телеге лежали прикрытые брезентом пять ящиков.

Бросились в глаза разметки. Высокий и сильный возница уверенно правил лошадьми. Нахман обратился к нему на жаргоне, закипятился. Показалось Воро-

жилову, что разговор касался его. Сидя рядом в телеге с Нахманом, зорко следил. Знал — это последняя схватка. Вся картина предательства представилась живо. Нахман получил от партии за услуги, риск контрабандиста оплачен. Теперь еще вторые деньги — за провокацию. Эти пять ящиков, этот большевик Казанский — запроданы. Петля затягивается. Из усталости, бессонницы выростала и ненависть и злоба. Чувствовал, как все существо, вся воля собираются в один удар. Холодно стал взвешивать. Возница сидел спиной, широкий, сильный, вожжи крепко намотаны на руках. Лошади месили дорожную пыль ногами. Обладая хорошей зрительной памятью, он запомнил дорогу, когда ехал в Рачки. Она та же, вон большой камень, вон кусты. А вдали тощий лесок, не то граб, не то клен. Когда и как? — гадал Ворожилов. И вдруг предчувствие близкой, близкой беды кольнуло. Сам должен... Первый... Или подставить горло контрабандистам, или обоим?.. Как? Выстрелить?! Не успеешь, да и шум... Быть может на дороге засада. Поджигают. И вдруг — бессознательно твердо сказал сам себе: — здесь, в леску, прикончат.

Не отдавая отчета, собрав всю силу, обернувшись, въехал кулаком, как тараном, в верхнюю часть живота Нахмана. Крепко зажатый в руке браунинг сделал удар железным. От страшной боли, с раскрытым неожиданным ужасом ртом, роняя котелок, охнул Нахман, пробовал привстать, пошатнулся и ничком вылетел из телеги на дорогу. В то же мгновение схватив обеими руками шею возницы, Ворожилов с дьявольской силой сдвигал горло. Что-то захрипело, забилося, забурлило. Притиснул еще сильнее, навалившись, злой, клочущий. Возница, путаясь в вожжах, впился в клещи Ворожилова, сисяя оторвать их от задыхающегося горла. Качнув на себя обессилившее тело врага, стремительно толкнул его вперед. Вдрогнули лошади, испугались возни, подхватили. Прямо на дышло повалился возница. Следом, как кошка, прыгнул Ворожилов на передок. Держась руками за сиденье, удачным ударом сапога сшиб тело с дышла.

Подхватил вожжи, натянул, придержал бег коней. Оглянулся — далеко сзади, среди пыли волчком вертелся Нахман, схватившись за живот, ловя воздух. Ближе, у края дороги, поджавши неестественно ноги, валялся возница. Зорко впивался Ворожилов глазами во все стороны. Стал всматриваться в опушку леса. Там у дороги мелькнули человеческие фигуры. Засада... Поправил брезент, подобрал браунинг, достал другой, прижался к ящикам, как к товарищам, и приготовился. Лошади шли легкой рысью. Лево́й рукой собрал вожжи, правая легла на тюки. Уверенно, удобно прицелился. Расстояние сокращалось. Около дерева, у дороги, стояло двое неизвестных, третий валялся на траве спиной к дороге. По очертаниям фигуры Ворожилов узнал в лежавшем одного из друзей Нахмана в камерке Берты. Стоявшие лениво оглядели лошадей, телегу, Ворожилова. Лежавший не шелохнулся, оживленно рассказывал. Что-то инстинктивно удержало Ворожилова от стрельбы. Вот уже телега поравнялась. Незнакомцы не проявляли и признаков нападения. Тихой рысцой протрусили лошади.

— Не узнали! — вихрем пронеслось в голове. — Дали проехать. Ждали ли сигналов Нахмана? — Оглянулся. За ленточками пыли от задних колес телеги все было спокойно. И только тут запрыгало, радостно забилося сердце... Жив, жив! Вот и Сувалки... Миновал людные улицы, с замиранием, тревогой, подъезжал к вокзалу. У подъезда толпились носильщики. Еще издали шарил глазами бляху № 15 и 28. Заме-

тил и как ребенок обрадовался, даже улыбнулся. Удача! Остановился немного в стороне от подъезда. Сошел, пошатываясь от странной усталости, поправил сбрую, подозвал носильщика бляха № 15, шепнул: — От товарища Валерьяна. Вот вам пять мест, сдайте пассажирской скоростью на Петербург, возьмите два би-

жидая варшавского поезда, сдал заказное письмо в Петербург на имя Ольги — туда вложил и железнодорожную квитанцию на пять мест. В Варшаве прописался настоящей фамилией Ворожилова, получил отметку на паспорте и на следующий день со скорым поездом возвращался в Петербург.

С дьявольской силой едавил горло.

лета, один на Петербург, другой на Варшаву. Железнодорожную квитанцию билеты и этот чемодан передадите мне у билетной кассы первого класса за 5 минут до отхода поезда. Вот вам деньги. Поняли?

— Все будет сделано, товарищ! — ответила бляха № 15. Подошли еще носильщики, тюки вынули. Ворожилов отъехал, остановился у грязной чайной и привязал лошадей...

У кассы ждал уже носильщик. Вручил железнодорожные билеты, квитанцию, чемодан. В Оранах, под-

По приезде узнал от Ольги, что вчера с Варшавского вокзала благополучно получен груз — все пять мест. Рассказал Никитичу случай в Сувалках. Искали тщательно в своих рядах предателя. Но кто был провокатором, чья злая воля губила партию — осталось тайной.

Прошло одиннадцать лет. Рука Октябрьской революции перелистала заветные, сокровенные страницы документов царской охраны. Один за другим расшифровывались провокаторы. Иногда имена старых, испытанных товарищей, годы проведенных в подполье и, казалось, беззаветно преданных делу революции, находились в этих позорных списках. В числе таких видных провокаторов значился и товарищ Мирон — Черномазов. Всколыхнулось старое, давно ушедшее. И тайна провокации в Сувалках разъяснилась. Была задумана она и проводилась товарищем Мироном. Ставилось целью разгромить партию, сорвать подготовку вооруженного восстания. Не удалось.

НАСТАНЕТ-ЛИ НОВЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД?

Некоторые думают, что возвращаются те давно минувшие годы, когда вся средняя Европа вплоть до подножья Альп была скована огромными пластами льда в несколько километров толщиной. Теперь наши зимы сделались опять длинее и холоднее, летнее время прохладнее и дождливее, сочный голубой цвет неба большей частью затянут густыми тучами и вообще в воздухе носится что-то грустное.

Однако, что же представляет собою ледниковый период? Конечно, ничего другого, кроме тысячелетних непрерывных снегопадов. Постоянно и равномерно падают хлопья снега на землю, все выше и выше покрывая ее белым саваном, пока, наконец, вся тяжесть не осядет плотным слоем льда. И так до высочайших горных вершин, которые походят на затерянные острова среди бесконечно белого моря. И долгим, долгим, зимним сном спит некогда веселая, зеленая страна, спит и не дожидется, когда же, наконец, наступит теплая весна, вскроет этот ледяной панцирь и выпустит ее из плена. Тогда закончится ледниковый период и новая жизнь разовьется на отдохнувшей земле. Так было в минувшие дни и в беге времен этот промежуток называется межледниковым периодом. Так, может быть, случится и теперь.

Может быть!!

А может быть и нет! Ибо далеко не все еще нам известно о жизни нашей земли и жизни миров, чтобы мы могли утверждать: будет так, а не этак.

Что такое в истории мира какие-нибудь 100, 1000 или даже 10.000 лет! Они подобны мгновенью, легкому волнению, секунде. Не больше.

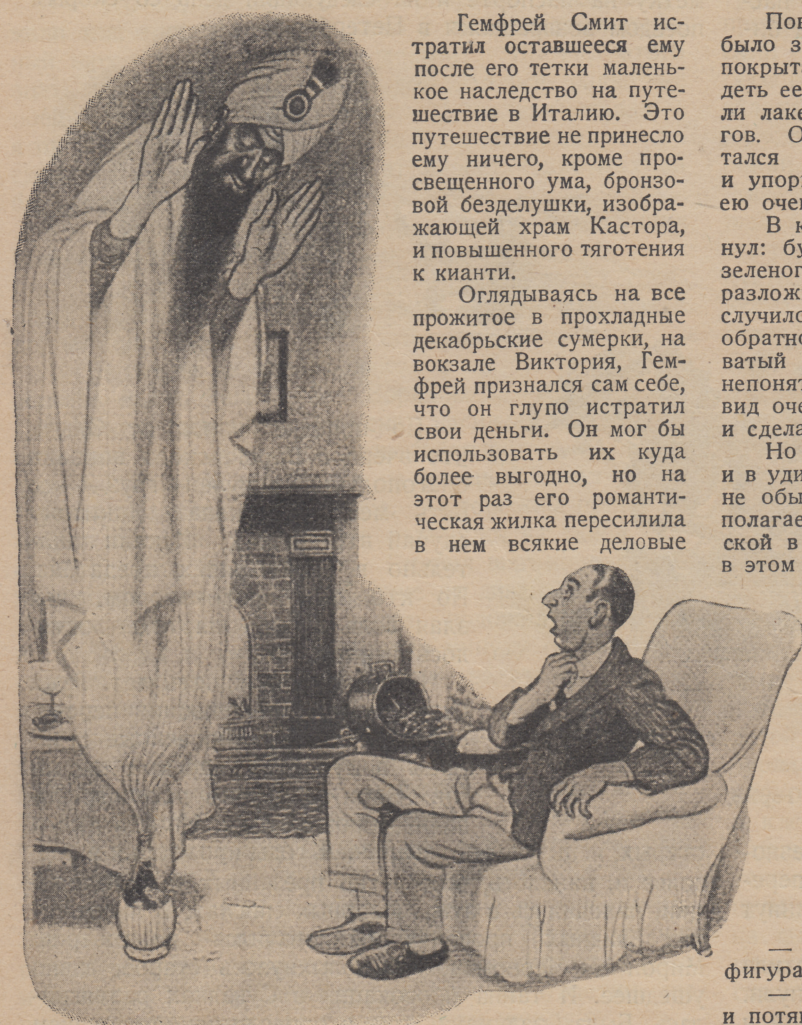
Медленно, совсем медленно протекают часы мира и каждый из них для нашего мышления и чувства — целая вечность.

Возможно, что ледниковый период вновь наступит. Однако, не только мы, но и многие поколения после нас могут спокойно закончить наш жизненный путь. Во всяком случае, нам и нашим потомкам еще хватит теплого времени. А может быть, человечество к тому времени найдет новые и верные пути, чтобы предотвратить возможное нашествие льда. Может быть, человечество научится по своему желанию распоряжаться климатом, управлять ветрами, тучами и дождем. Начало этому уже положено.

Итак, очень возможно, что наступит новый ледниковый период, но также может случиться, что этого и не будет. И пусть будет, что будет, но мы — живущие теперь и многие поколения после нас — мы до этого не доживем.

ЗАКУПОРЕННЫЙ В БУТЫЛКУ ДУХ

Рассказ АНТ. АРМСТРОНГ

Гемфрей Смит истратил оставшееся ему после его тетки маленькое наследство на путешествие в Италию. Это путешествие не принесло ему ничего, кроме просвещенного ума, бронзовой безделушки, изображающей храм Кастора, и повышенного тяготения к кианти.

Оглядываясь на все прожитое в прохладные декабрьские сумерки, на вокзале Виктория, Гемфрей признался сам себе, что он глупо истратил свои деньги. Он мог бы использовать их куда более выгодно, но на этот раз его романтическая жилка пересилила в нем всякие деловые

Повидимому, это было очень старое кианти. Горлышко было запечатано старинным сургучем и вся фляжка была покрыта таким густым слоем пыли, что он не мог разглядеть ее содержимого. Ему пришло на мысль, — не ошибся ли лакей, потому что он заплатил за нее всего 5 шиллингов. Он соскреб сургуч, твердый как железо, и попытался вытащить пробку. Она оказалась очень тугой и упорной, словно из резины, и похоже было на то, что ею очень давно заткнули эту бутылку.

В конце концов Гемфрей вытащил ее и злобно вскрикнул: бутылка была пуста! Только клочек грязноватого зеленого дыма медленно поднялся в воздух. Вино либо разложилось, либо испортилось, либо с ним еще что-нибудь случилось. Размышляя, как ему лучше всего вернуть обратно свои деньги, он с изумлением увидел, что зеленоватый дымок, все еще вылезавший из горлышка, как-то непонятно оседал в одном углу комнаты, и казался на вид очень плотным. Гемфрей вспомнил о ядовитых газах и сделал движение к окну.

Но еще на полдороге он остановился, остолбенел и в удивлении опустился на стул. Ему стало ясно, что это не обыкновенный дым. Он вел себя вовсе не так, как полагается. Дым не струился бы тонкой настойчивой полоской в один угол комнаты; дым не собирался бы плотно в этом углу; дым не сгушался бы в плотную массу. Дым, — почти вслух прошептал Гемфрей, — не принял бы человеческого образа!

Это был именно человеческий образ. И вскоре в этом не осталось ни малейшего сомнения. Зеленоватая, полу-плотная, полу-газообразная фигура, в струящемся одеянии из тумана и в каком-то тюрбане, похожая по внешности на арабского шейха. Вот появилась склоненная, покорная голова, вот — две руки с почтительно вывернутыми ладонями...

Гемфрей подергал свой воротничек, отвернул голову, быстро заморгал глазами и снова посмотрел в угол. Фигура все еще была там, еще более уплотнилась и кланялась еще почтительнее.

— Что... что... что вам угодно? — каркнул, наконец, Гемфрей, хриплым трескучим, как терка для мускатного ореха, голосом.

— Каково твое приказание, Властелин? — отозвалась фигура ледяным и беззвучным голосом.

— Как? Мое приказание? — едва выговорил Гемфрей и потянулся к звонку. Но не позвонил. Положив палец на кнопку звонка и чувствуя себя в большей безопасности, он проявил любопытство. Он изумленно переводил взгляд с непонятной фигуры на бутылку, из которой она появилась... Внезапно он почувствовал прилив прежнего огорчения:

— Послушайте-ка, мне нужна была бутылка кианти — начал он. — Я заплатил за нее...

Туманный образ заколебался, исчез и снова появился. Появилось кианти.

Гемфрей опять заморгал и, продолжая держать рукой звонок, уставился на обе бутылки: пустую и полную.

— Где вы ее достали?.. — произнес он, наконец, заикаясь.

— В лавке на соседнем базаре, Властелин!

— Вот так штука! Она... она настоящая? Я хочу сказать... дайте мне стакан.

Новое колыханье — и в его руке очутился стакан, полный вина. А всего один миг тому назад бутылка была закупорена, а стоявший рядом с ней стакан, был пуст.

Он выпил вино. Оно оказалось хорошим, таким хорошим, что он оставил в покое кнопку звонка и налил себе еще.

— В чем дело? — спросил он, уже значительно расхрабравшись. — Я хочу спросить, почему вы явились сюда и угощаете меня этим напитком?

— Ты — мой Властелин! — ответила просто фигура в тюрбане. — Тебе приказывать, а мне повиноваться. Будь то редкая мазь из отдаленнейшего места земли, — голос загадочного существа стал монотонным, словно повторяя нечто очень привычное, — будь то какая-нибудь рабыня...

— А можешь ты влезть туда обратно? — с интересом перебил Гемфрей, указывая на бутылку.

— Э-э-э! Что такое? — спросила фигура, выбитая из колеи своей затверженной речи — О, да, конечно... Или будь это какая-нибудь рабыня с Алжирских базаров, или будь это всего лишь...

инстинкты. На завтра он снова превратится в банковского клерка, а от его наследства останется одно воспоминание. Тем не менее, спускаясь в подземную железную дорогу, он решил не возвращаться сегодня вечером в свои меблированные комнаты, а выбросить последние 3 фунта, как праздный богач, в одном из шикарных отелей. А потому, через четверть часа он поднялся по ступенькам лестницы отеля с покрытым многочисленными наклейками чемоданом и видом человека, которого автомобиль по глупой ошибке высадил за два дома до входа, но который счел ниже своего достоинства возражать по этому поводу.

Обед в таком отеле — не романтическое занятие после возбуждающих итальянских блюд и итальянского кианти. Гемфрей сначала с забывчивым видом полуоперившегося космополита спросил макарон с сыром, потом «по ошибке» обратился к лакею по итальянски, что оказалось более естественной ошибкой, чем он мог сам предположить, так как лакей случайно оказался итальянцем и, наконец, напустил на себя вид вылощенного аристократа, вставшего в дурное настроение, потому что в списке вин не было кианти.

Лакей, рассыпавшись в извинениях, предложил достать для него кианти в маленькой соседней лавчечке; Гемфрей тоном благородного лорда, приказал принести ему две фляжки, так как ему хотелось выпить еще пару стаканов на ночь, в своем номере.

Около одиннадцати часов Гемфрей удалился в свою комнату. В общем зале, перед восхищенной группой приезжих из провинции, он только что снисходительно распространялся об Италии, но это уже была его лебедина песня. Завтра светский молодой человек исчезнет и вновь воскреснет банковский клерк. Один в своей комнате, он взял в руки вторую фляжку кианти, чтобы выпить на прощание с Италией.

— Хорошо, посмотрим, как ты это сделаешь!
— Алжирскую рабыню, Властелин? — переспросила фигура, видимо приготовившись исполнить приказание.
— Нет, нет! Посмотрим, как ты влезешь опять внутрь бутылки.

Нижние края фигуры медленно собрались в тонкую струйку, подобно нитке, вытягиваемой из пряжи, и направились к горлышку бутылки. Гемфрею стало не по себе.

— Эй, остановись! Довольно! Я уже убедился!

Фигура остановилась.

— Как я уже начал говорить, — сурово продолжала она, — будь это лишь посещение базара, чтобы достать шербет, я — джин из...

— Достать джинну! — снова заинтересовавшись, спросил Гемфрей.

Джин с трудом сохранил оскорбленное молчание. Он сделал уже три попытки откомендоваться, но каждый раз терпел поражение. Он не намеревался продолжать их дальше, так как ему надлежало соблюдать чувство собственного достоинства.

— Как твое имя? — спросил Гемфрей.

— Оно облечено тайной! — высокопарно ответил Джин. — Ты можешь называть меня, как тебе будет угодно.

— Хорошо, я буду называть тебя Джинджер¹⁾, — заявил Гемфрей, после некоторого раздумья и еще одного стакана кианти. Джин обиженно выпрямился. Джин Джинджер, — ласково объяснил Гемфрей, — понятно?

Джин понял. Пожалуй, ему было бы приятней, если бы его настоящее имя не было облечено тайной. Даже «Эй, ты там!» или «Как там тебя!» — было бы лучше, чем Джинджер.

— Каковы твои приказания? — высокомерно спросил он.

Но Гемфрей уже больше ни чуточки не боялся. Он в свое время тоже читал сказки и считал, что собственный джин был наилучшим в мире разрешением проблемы домашней прислуги, так как такие джины должны во всем повиноваться своим господам. Ему стало очевидно, что он сейчас является хозяином этого именно джина.

— Ну, а что ты можешь сделать?

— Все.

— Хорошо. Добудь мне тысячу фунтов!

— Крайне сожалею, но нам не разрешается доставлять деньги или ценные бумаги. Мы привыкли к тому, что их всегда требуют с нас, но это повлекло неприятности с полицией и теперь наш профсоюз запретил это.

— Ну, так перенеси меня обратно в Италию! —скомандовал Гемфрей.

Впоследствии он сожалел, что не придумал ничего лучшего, хотя он на самом деле не верил, что джин это делает. Мгновенная вспышка света, оцепенение от пронизавшего его до костей ветра, — и он стоял на одинокой горной вершине. Липкий туман окружал его со всех сторон. Вверху виднелись немногочисленные звезды. Было ужасно холодно, а он по-прежнему остался в легком костюме.

— Поди сюда! Где мы? — крикнул он, — стуча зубами.

— Италия! — гордо откликнулся джин, и добавил: — Самая середина. В Аппенинах.

Гемфрей сообразил, что его план действий никуда не годился. У него не было с собой денег. А Джинджер, повидимому, не мог выручить его из этого затруднения.

— Эй... э... унеси меня обратно! — пробормотал Гемфрей.

Джин, слегка изумившись, повиновался.

Через пять минут, нагнувшись над камином своей спальни, Гемфрей с наслаждением начал понемногу согреваться после своего путешествия. Джин угрюмо забился в угол. Очевидно, он был не очень-то высокого мнения о своем новом господине. От него еще даже не потребовали шербета или рабыни.

— Послушай-ка Джинджер! — сказал погода немного Гемфрей, чувствуя, что до сих пор он довольно безуспешно воспользовался вновь обретенной властью. — Если тебе не разрешается давать мне денег, какой же из тебя прок?

— Другие господа пускали в ход свои мозги!.. — Было ясно, что он совсем не влюбил Гемфрея.

— Они находили всякие способы, — заключил он и устался в потолок.

— Ах, вот как! — задумчиво протянул Гемфрей. — Притащи-ка мне старого бренди, ладно?

— Я полагаю, что в этом отеле есть лакеи! — возразил раздраженно джин.

— Не рассуждай! Давай бренди!

Бренди вырос на столе так внезапно и так близко

к его локтю, что он невольно его опрокинул. Джин издал нечто вроде ехидного смеха.

Гемфрей хотел уже было настоять на своем и заказать другую бутылку, но во время спохватился, что ему выгоднее сохранить хорошие отношения со своим новым слугой, если он желает защитить кое-какую деньгу и навсегда освободиться от утомительного корпения за конторкой. К тому же, ему только что пришла в голову мысль, как это сделать.

Он тотчас же принялся лстить обиженному джину и восхвалять его могущество, пока тот не замурлыкал, наконец, как разнеженный кот, и не рассказал ему длинную повесть о том, почему ему больше, чем кому бы то ни было, известно о тайне дворца Алладина.

— Вот что Джинджер! — проговорил, наконец, Гемфрей, выработав в своей голове определенный план действий. — Видишь ты этот чемодан на моей постели? Итак, предположим, что я сказал бы: «Сделай так, чтобы этот чемодан исчез, но чтобы в то же время никто не видел, как ты это сделаешь?»

— Детские игрушки! — снисходительно бросил Джин.

— Хорошо, сделай это.

В мгновение ока джин исчез. Исчез и чемодан. На один миг в Гемфрее зашевелилась боязнь: раз джин исчез, некому было отдавать приказания. Что, если Джинджер, очутившись на свободе, да к тому же и с чемоданом, возымеет мысль совершить экскурсию в Брайтон? А если предположить...

— Доволен ли Властелин? — слышалось за его спиной и, обернувшись, он увидел, что джин вернулся и вытягивался к нему из другого угла. Чемодана, однако, не было.

— Удивительно! — Э... а где же чемодан? В воздухе?

— Нет! Я положил его в другое место. Ты сам понимаешь, что надо же было его куда-нибудь девать.

— Так где же он?

— Я положил его... — начал джин, как вдруг из соседнего номера донесся пронзительный визг, но джин невозмутимо закончил, — на постель в соседней комнате.

— А не было ли кого-нибудь в этой постели?

— Возможно! — ответил джин, беспечным тоном человека, не задумывающегося над всякими мелочами.

— В ней кто-то есть! — боязливо сказал Гемфрей, когда раздался следующий визг. — Принеси-ка лучше чемодан обратно.

Чемодан моментально появился снова.

— Она сбросила его на пол! — шутиливо промолвил Джинджер. — Она сейчас в обмороке и решила, что это было сном. Толстая женщина в фланелевой...

— Дружище Джинджер! Будь осторожен! Я не женат и я не атакую, как ты, дамские спальни. Кетати, ты женат?

— Милостью Аллаха у меня девяносто три жены.

— Хм... в таком случае тебе бы лучше отправиться спать! — вяло процедил Гемфрей и проследил глазами, как джин туманом растворился в своей бутылке.

Когда исчез последний клочок, Гемфрей закупорил бутылку и тщательно упаковал ее. Потом он лег в постель и усиленно старался поверить во все происшедшее, но, засыпая, убедился, что это ему не под силу.

На утро первым занятием Гемфрей было сесть на постели и рассмеяться над своими нелепыми фантазиями вчерашнего вечера. Очевидно, он переборщил с кианти и вообразил себе всю эту небылицу. Он хохотал от души, пока его взгляд не упал на опрокинутый стакан бренди и вторую бутылку кианти. Он замолчал и, поспешно порывшись в своем чемодане, извлек из него другую, еще более загадочную бутылку. Боязливо вытащил пробку и заглянул внутрь: оттуда показалась тонкая струйка дыма и тихий, но явственный голос сказал: «О-о-оставь-вь меня! Мне еще не время вылезать!»

Гемфрей всадил обратно пробку и присел на край постели. Значит, все это было на-яву. А раз так, значит, может сбыться и его мечта об обогащении. Во время завтрака он подробно обдумал весь план дальнейших действий: он был достаточно хитер, но до сих пор ему еще не представлялось возможности широко использовать свои коммерческие способности. После завтрака он снова вынул пробку и выпустил джина.

— Ты хорошо выглядишь после того, как хорошенько проспался, Джинджер! — начал он.

Джин слегка улыбнулся, приятно польщенный. Люди не часто с ним так обращались. Гораздо чаще они прикидывали на него «Эй, ты! убери-ка моего соперника». И он убирал последнего в Самарканд. У него имелась отборная коллекция соперников всех эпох и национальностей, которых он засунул в Самарканд.

¹⁾ Джинджер — имбирное пиво.

— Припоминаешь ли ты этот маленький трюк с моим чемоданом? — продолжал Гемфрей.

— Да, Властелин.

— Предположим, что я прихвачу тебя с собой в гости к одному приятелю и спрячу за ширмой, а потом потребую, чтобы ты повторил тот же трюк, но так, чтобы он тебя не видел. Можешь ты это сделать?

Джинджер взмахнул дымчатой рукой в знак того, что это сущие пустяки.

— Хорошо, пойдем к нему.

Часом позже Гемфрей беседовал с глазу на глаз с антрепренером театра Пализеум. Этот толстяк с вечной сигарой во рту отказывался принять его, пока решительный Гемфрей не перенесся в его кабинет при помощи Джинджера, быстро запрятавшегося после этого в свою бутылку. Антрепренер был так поражен, что Гемфрею пришлось ослабить ему воротник и обмахивать его платком, пока он не пришел в себя. Освоившись с неожиданным появлением Гемфрея и его предложением, он сказал:

— Конечно, м-р Смит, предлагаемый вами фокус — не более, не менее, как полное исчезновение человеческого существа с середины пустой сцены — был бы для меня достаточно убедительным, чтобы включить его в нашу программу. Разумеется, не на следующую неделю, как вы предлагаете. Да и выручка с трудом оправдывает необходимую рекламу.

— Моя идея, — заявил Гемфрей, держа в руках закупоренную бутылку, — анонсировать первое выступление на следующий понедельник, по обычным ценам, как бы вроде рекламы, а потом назначить бешеные цены на все остальные дни недели.

— Публика не станет платить бешеных цен...

— Подождите решать, пока вы не увидите этого своими глазами.

— ... так как вряд ли это пахнет настоящим чудом, — закончил антрепренер, видимо склонный прервать разговор. — Впрочем, давайте посмотрим.

— Внимание! — провозгласил Гемфрей...

Гемфрей потребовал ширму, зашел за нее и откупорил джинна.

— Прикажете начать с вас? — обратился он к антрепренеру.

Антрепренер торопливо ответил, что всякие дела сначала проходят через его частного секретаря и через минуту в центре комнаты появился нервного вида молодой человек.

— Внимание! — провозгласил Гемфрей и шепнул что-то за ширму.

Мгновенное колебание воздуха — и секретарь исчез.

— Боже милостивый! — вскрикнул антрепренер и заглянул под стол. — Куда же?.. Действительно, я никогда... — Он обыскал весь кабинет и даже заглянул в соседнюю

комнату. — Великолепный номер! Я озолочу вас за него, если, конечно, вы предоставите мне на известное время монополию.

— Хорошо! — радостно сказал Гемфрей. — Перейдем к делу.

Антрепренер все еще бормотал слова удивления и был так потрясен, что дважды позвонил своему секретарю, проклиная его медлительность, пока не припомнил, что ему следует обратиться за секретарем к Гемфрею.

Молодой человек появился обратно с еще более нервным видом и красной физиономией. Он пробормотал что-то насчет женской спальни. Гемфрей, вспомнив, что он забыл точно определить место назначения для своей жертвы, сообразил, что исполнительный, но лишенный воображения джин унес секретаря туда же, куда он положил вчера вечером его чемодан, и постарался длинными и туманными речами окончательно сбить секретаря с толку.

Через полчаса он удалился с подписанным контрактом, авансом наличными деньгами и одной из сигар антрепренера.

Он сразу же начал приводить в исполнение свой замысел. Переехал в более дорогую гостиницу, занял там две комнаты, спальню для себя и гостиницу, в которую джин мог бы уносить его жертвы на время их минутного исчезновения. Ему стало ясно, что если он не будет давать джинну определенных инструкций и указывать определенное место, тот будет таскать этих людей в любые спальни комнат по всему Лондону, а то и в Самарканд. Он купил также новую пару платья и послал в свой банк заявление об уходе, так как ясно видел перед собой путь к процветанию.

Первое выступление увенчалось огромным успехом. Гемфрей начал с переноски всяких предметов из рук зрителей в различные места зала, при чем джин двигался так быстро, что его совсем не было видно. Потом он прислушал к гвоздю своего номера, предложив желающим из зрителей совершенно исчезнуть с пустой сцены на виду у публики. Он заявил, что никто и никогда еще не исполнял этого, что он отнюдь не пользуется при этом фокусными сундуками, а что его единственным прибором будет небольшая ширма на заднем плане сцены, около которой он будет стоять. Он, разумеется, имел в виду бутылку и джинна, который не меньше своего господина волновался по поводу этого первого за всю свою тысячелетнюю жизнь публичного выступления на сцене.

Какой-то молодой человек, после небольшого колебания, поднялся на сцену и после того, как Гемфрей пошептал что-то за ширму, исчез на глазах у всех зрителей, что вызвало невероятный фурор. Когда остолевшая жертва спустилась несколько мгновений снова появилась на сцене, весь зал разразился бешеными аплодисментами. В этот первый вечер Гемфрей вышел из театра составившим себе широкую известность человеком. На следующий день все газеты дали жирные заголовки к описаниям его поразительного фокуса.

Театр каждый день бывал переполнен и давал небывалые сказочные сборы. Антрепренер законтрактовал Гемфрея на много месяцев вперед и не скупился на внушительные авансы. Его выступление повсюду обсуждалось, газеты были полны энтузиазма, зрители и жертвы сравнивали между собой свои впечатления; зрители сходились на том, что они все видели что-то вроде темной вспышки, которая, казалось, сметала жертву со сцены. Все жертвы соглашались между собой, что за время отсутствия, у них сохранилось впечатление какого-то вполне реального местопребывания, вроде гостиной отеля; все, кроме одной спиритуалистически настроенной дамы, уверявшей, что она видела ангелов с арфами и беседовала с духом Юлия Цезаря.

К концу недели Гемфрей имел более двух тысяч фунтов наличными. Однако, он был несколько озабочен будущим. Теперь, когда эти выступления потеряли свою новизну, джин остановился непослушным. Он выказывал все увеличивавшееся нерасположение к тому, чтобы возвращаться в свою бутылку и проявлял сильное желание выйти к рампе и раскланываться на аплодисменты. Короче говоря, его портил успех. Гемфрею приходилось держать его в ежовых рукавицах и их взаимные отношения стали очень натянутыми.

Прежняя нелюбовь Джина к своему хозяину возобновилась с удвоенной силой и он начал распространяться насчет переработки и своего профсоюза, и даже о забастовке. Дальше он сообщил, что уже заявил протест комитету союза джинов. Было очевидно, что предстоят неприятности.

Произошли эти неприятности в последний вечер недели. Они, несомненно, были вызваны пренебрежительным отношением Гемфрея: он все время гонял джина взад и вперед за напитками и сигарами для заглянувших к нему в гости друзей. Джин не любил такой суеты. Он повиновался всем приказаниям, но как заметил Гемфрей, всегда с недобрим огоньком в своих дымчатых глазах, который, казалось, говорил: «Подожди ты у меня!»

Когда началось представление, он еще больше озлился. С ним едва можно было сладить когда, по ходу номера, надо было, переносить различные предметы с места на место. Он не раз нарочно ошибался, потому что Гемфрей давал ему недостаточно точные приказания, в результате чего, когда подошел момент «гвоздя», зрители, хотя и заинтересованные, уже готовы были рассердиться.

На этот раз избранной жертвой оказалась одна молодая девушка, так как Гемфрей находил, что лучше избирать девушек и даже джин признался, что ему больше нравилось переносить туда и обратно девушек, так как это напоминало ему прежние времена. Девушка была поставлена посередине сцены и Гемфрей, стоя около ширм шепнул, как всегда джину:

— Унеси ее в мою комнату.

Девушка исчезла.

Когда прекратились аплодисменты и Джин возвратился, Гемфрей шепнул:

— Принеси ее обратно!

Но ничего не случилось.

— Принеси ее обратно! — сердито повторил Гемфрей и заглянул за ширмы.

— Не стану! — ответил Джин, стоя со сложенными руками.

— Отправляйся, или я... я пожалуюсь на тебя твоей профсоюз.

— Ха! — оскалил зубы Джин. — Теперь мы квиты. Объявлена забастовка. Я только что получил известие из нашего главного штаба в Аравии.

И он начал развязно влезать в свою бутылку, в то время, как внимание Гемфрея, пытавшегося остановить его, невольно было отвлечено от публики. Уже рассерженная раньше, она становилась теперь все более угрожающей. Зрители уже вскопили с мест и кричали:

— Принесите ее обратно!

— Крайне сожалею! — начал он. — Произошла небольшая...

Ему не пришлось продолжать, так как в этот момент часть толпы, предводительствуемая вспыльчивым джентльменом с пунцовой физиономией, оравшим: «Где моя дочь?» — пошла приступом на сцену.

Гемфрей поспешно скрылся за кулисы, захватив с собой драгоценную бутылку. В то время, как толпа зрителей затопила сцену, он стремглав выскочил через артистический подъезд, бросился в такси и помчался, как сумасшедший, в свою гостиницу.

Однако, он безрассудно забыл, что всем было известно, где он жил, а потому он и побагровевший предводитель его преследователей, не стеснясь выкрикивавший вслух нелестные замечания относительно торговцев белыми рабами, почти одновременно достигли его комнат.

— Где моя дочь? — Вы... Вы запрятали ее в вашу спальню! — завопил взбешенный родитель. Остальные преследователи настигли их, пока Гемфрей торопливо пытался отпереть свою дверь.

— Не-е-т... Она в полной безопасности... Произошла маленькая ошибка! — испуганно лепетал Гемфрей. — Она там в гостиной, за дверью, там, куда они все попадают. Она только...

— Лжец! — крикнул озлобленный противник, а некоторые из его единомышленников засучили свои рукава. — Она в вашей спальне! Знаю я вашего брата!

— Это неправда!.. Клянусь вам — и в доказательство своих слов Гемфрей распахнул дверь спальни.

На постели лежала в обмороке исчезнувшая молодая особа. Мстительный джин, которому было приказано перенести ее в соседнюю комнату, вновь намеренно и злокозненно совершил финальную ошибку.

То обстоятельство, что багровый джентльмен вместо того, чтобы наброситься на него с голыми руками, остановился взять кочергу, спасло жизнь Гемфрея. По-прежнему прижимая к себе бутылку, он успел убежать в гостиную и во время запереть за собой дверь.

Когда они начали колотить в нее под кровожадные восклицания предводительствующего джентльмена, Гемфрей в отчаянии призвал на помощь джина.

— Алло! — отозвался джин, высовывая свою голову из бутылки.

— Спаси меня! — воскликнул Гемфрей.

— Забастовка! — лаконически заметил джин и приготовился спрятаться обратно.

— Они намерены убить меня! Они...

— Что такое? — слегка заинтересовавшись, переспросил джин. — За что же?

— Из-за этой девушки, которую ты унес в мою спальню и не захотел перенести обратно.

— Очень мило, — удивленно сказал джин. — И все это из-за какой-то девушки. Что станет с миром, если юноша не может ущипнуть девушку? А вот во дни моей молодости...

— Да, да, да! — Дверь затрещала и Гемфрей отнюдь не чувствовал расположения выслушивать заманчивые анекдоты из прошлого джина.

...я никогда не попрошу у тебя ничего больше!

— Спаси меня! Повинуйся только еще одному моему приказанию!

— Ага! — протянул джин. — Владелец идет на уступки, не так ли? И он завел речь о мирных конференциях и национальных трибуналах, пока перепуганный Гемфрей не упал перед ним на колени.

— Только повинуйся еще одному приказанию и я никогда не попрошу у тебя ничего больше!

— Соглашение, а? — внезапно спросил джин. — Хорошо!

— Перенеси меня отсюда...

— Если ты мне честно обещаешь потом закупорить меня пробкой и бросит в реку. Я нуждаюсь в отдыхе, хотя бы на одно столетие.

— Да, да, обещаю!

— Итак, что ты приказываешь?

— Перенеси меня со всем моим добром и моими деньгами, включая и то, что мне осталась должна за сегодняшнее вечернее выступление касса Паллизеума, в Америку.

— Фью-ю! — свистнул джин. — Вот так приказание! А где же эта Америка? Никогда не слышал о ней...

— Живо, живо... Дверь поддается. Знаешь ты Мексику?

— Да.

— Так вот: как войдешь в нее, направо будет Америка. Только, если тебе дорога твоя жизнь, не рассказывай американцам, что ты никогда не слышал о ней.

— Хорошо! — согласился джин и нагнулся над Гемфреем.

Гемфрей так и продолжает жить в Америке. На днях он прислал мне письмо и сообщил, что работает по части запатентованных медицинских снадобий и снабжает врачей виски. Дела его идут хорошо, а джин покоится в реке Гудзон. Гемфрей часто рассказывает американцам эту историю и они ему верят, потому что их пресса ежедневно уверяет их в еще более неправдоподобных вещах.

БОРЬБА ЗА ВОЗДУШНЫЙ ОКЕАН

Очерк М. РАДЦЕПОРТА.

Недавно в одном из французских юмористических журналов появилась карикатура, изображающая парижанина, читающего газету.

— Странно! — говорит парижанин. — Сегодня никто не перелетел через океан!

Иными словами, перелет через океан сделался уже столь обыденным явлением, что, по мнению обывателя, изображенного на карикатуре, он должен происходить ежедневно... Перелет американского летчика Линдберга, а затем Чемберлина через Атлантический океан, сейчас уже воспринимается как нечто должное, обязательное, само собой разумеющееся. А между тем, какой тяжелый путь прошло человечество, прежде чем оказались возможными такие славные страницы в его борьбе с природой, как перелеты через океан! Когда летчика Линдберга встречали сотни тысяч людей на Парижском аэродроме и около двух миллионов человек в Нью-Йорке, — они чувствовали не столько личную храбрость и мужество авиатора, установившего изумительный рекорд, сколько победу человека над воздушной стихией, до последнего времени еще не совсем сдавшейся напору человеческого ума и воли. Сейчас, после трансатлантических перелетов, открываются новые широчайшие возможности и в технике, и в культурном сближении человечества. Теперь уже можно утверждать, что третье измерение, высота, завоевано человеком. Правда, это третье измерение завоевано еще не в такой степени, как первые два — длина и ширина, по которым люди передвигаются по земле. Но, несомненно, что главные этапы борьбы за высоту уже позади. В дальнейшем человек будет передвигаться по всем трем измерениям совершенно одинаково. Люди будут в этом отношении приближаться к низшим организмам — насекомым и птицам, могущим летать над землей.

Но летать, как птица, человек не может. Уже в глубочайшей древности люди делали попытки оторваться от земли, уподобиться птице, улететь. Древняя греческая легенда рассказывает о Дедале и сыне его Икаре, прикрепивших к своим плечам восковые крылья и поднявшихся к небу. Но растаял воск от солнца, и погиб Икар, упав в море.

Первый полет воздушного шара бр. Монгольфье (5 июня 1783 г.).

Высота, небо, казались людям чем-то таинственным.

Недаром же всякая религия, держащаяся на невежестве и темноте народной, делало небо обиталищем каких-то «божественных сил» — всяких ангелов, архангелов и святых разных мастей и разных калибров. Попы, ксендзы, муллы и раввины заставляли бога жить на небе, так как небо, т.е. высота, была недоступна еще человеку. Пойди-ка, проверь, кто живет там, на каком-то таинственном «седьмом небе», когда человек был еще прикован к земле! И всякая неудачная попытка первых воздухоплавателей, подражавших легендарному Икару еще в XV—XVII веках и ломавших себе ноги, рассматривалась церковью, как наказание за то, что человек осмелился подняться вверх, к «обиталищу бога»...

Отметим, что в это же время и в России были попытки отдельных лиц подняться на воздух. Любопытные сведения находим по этому поводу в рукописи А. И. Сулакадзе, составившего в 1819 г. по старинным источникам сводку фактов о воздухоплавании в России. Рукопись находится в библиотеке по авиации А. Родных и выдержки из нее были напечатаны в № 22 «Науки и Техники» за 1923 г.

«1695 г., апреля 30, деланы были неким крестьянином крылья слюдебные. Стали 18 рублей. После деланы крылья иршенные¹⁾ в Москве стали 5 рублей». Вот дословный рассказ об этом событии по «Дневным Запискам Желябужского с 1682 по 2-ое июля 1709 г.».

«Тогоже-месяца апреля (1695) в 30 день закричал мужик караул и сказал за собою Государево слово, и приведен в стрелецкий приказ, и спрашиван, а в распросе сказал, что он, сделав крылья, станет делать, как журавль. И по указу Великих Государей, сделал себе крылья слюдные, а стали те крыле в 18 рублей из государственной казны. И боярин, князь Иван Борисович Троекуров с товарищи и с иными прочими, вышел, стал смотреть; и тот мужик, те крыле устроив, по своей обыкности перекрестился и стал надымать, и хотел лететь, да не поднялся, и сказал, что он крыле сделал тяжелы. И боярин на него кручинился, и тот мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крыле иршенные и на тех не полетел, а другие крыле стали в 5 рублей. И зато ему учинено наказание: бить батоги снем (по снятии) рубашку, и те деньги велено доправить на нем и продать животов и остатки».

«1699 г. стрелец Рязанской Серов делал в Рязке крылья, из крылье голубей великие, и по своей обыкности хотел лететь, но только поднялся аршин на 7, перекувырнулся и упал на спину, но не больно».

«1724 г. в селе Похлеце Рязанской провинции: приказик Перемышлева фабрики Островков вздумал летать по воздуху. Сделал крылья из бычачьих пузырей, но не полетел; опосля зделал, как теремки из них-же, и по сильному ветру уподняло его выше человека, и кинуло на вершину дерева и едва сошел, расцарапавшись весь».

¹⁾ Иршеные, т.е. сделанные из тонкой козлиной кожи.

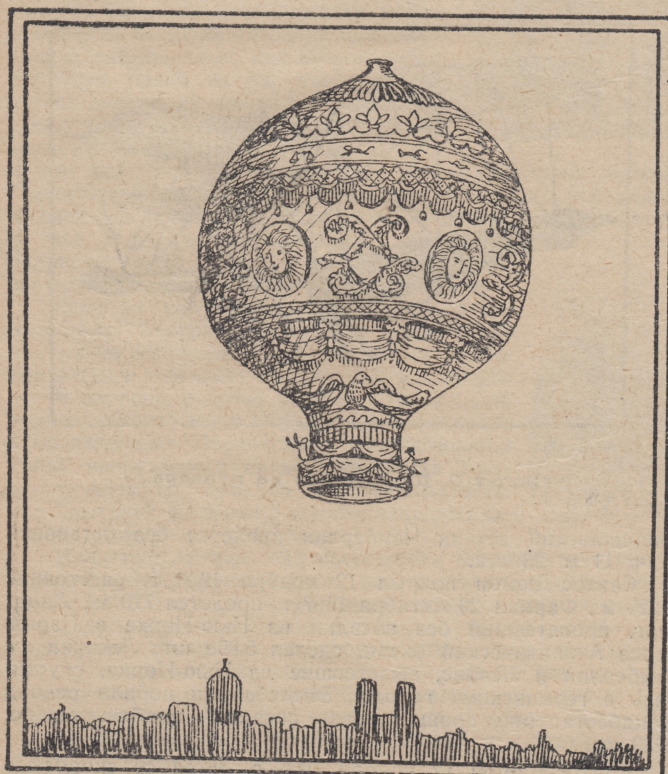
Первый полет Шарля и Робера.

«1729 года в селе Ключе, недалеко от Ряжска, кузнец, Черная Гроза называвшийся, сделал крылья из проволоки, надевал их как рукава; на острых концах надеты были перья самые мягкие, как пух из ястребов и рыболовов, и по приличию на ноги тоже как хвост, а на голову, как шапка с длинными мягкими перьями; летал так, мало дело ни высоко, ни низко, устал и спустился на кровлю церкви, но по крылья сжег, а его едва не прождал».

«1731 года в Рязане при воеводе подъячий Нерехтец Крякутной фурвин¹⁾ зделал, как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударило его о колокольню, но он уцепился за веревку чем звонят, и остался тако жив. Его выгнали из города, он ушел в Москву и хотели закопать живого в землю или сжечь».

«1745 года из Москвы шел какой-то Карачевец и делал змеи бумажные на шестиках, и прикрепил к петле. Под нею сделал седалку и поднялся, но его стало крутить, и он упал, ушиб ногу и более не подымался».

Но почему же человек не может летать, как птица, совершенно свободно держащаяся в воздухе? Потому, что

Первый полет людей на шаре (21 ноября 1783 г.).

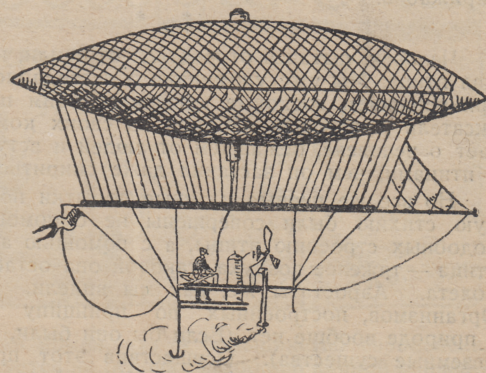
сила тяготения приковывает человека к земле. Закон тяготения, установленный великим Ньютоном, распространяется на всякий весомый предмет, независимо от того, в какой среде этот предмет находится — в пустоте, в жидкости или в атмосфере газа. Поэтому, чтобы держаться подобно птице в воздухе, надо отыскать такое средство, такую силу, которая уничтожила бы силу тяготения, заставляющую человека падать на землю. Но силу тяготения вообще, а в воздухе в частности, нельзя уничтожить. Можно только ее нейтрализовать, обезвредить, на подобие того, как обезврежена сила тяготения в воде.

Человек истари овладел морской стихией путем судоходства. Почему тяжести, перевозимые на лодках, судах и пароходах, равно как и самые корабли, почему они не тонут? Разве сила тяготения перестает действовать в воде? Нет, сила тяжести не перестает действовать в воде, но человек сумел противопоставить ей силу гидростатического давления — силу давления жидкости на погруженное в нее тело. Великий математик древней Греции, Архимед, установил закон («закон Архимеда»), по которому всякое тело, погруженное в воду теряет в своем весе столько же, сколько весит вытесненный им объем

¹⁾ Полагают, что фурвин — нечто вроде большого мешка.

воды. Это значит, что если вес тела невелик сравнительно с его объемом, то давление тела на воду меньше, чем давление воды на тело. Тело становится легче воды, оно не тонет, а остается на поверхности. Тяжесть судна преодолевается давлением воды снизу, и судно не тонет, а плавает по воде.

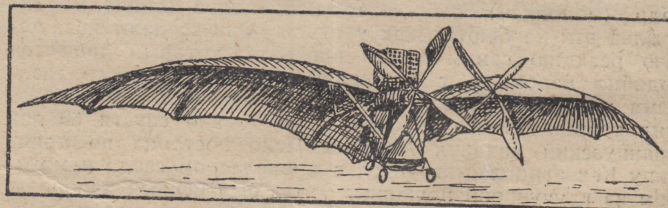
Закон Архимеда, а стало быть и принцип судоходства, можно применить к воздуху. Воздух, как всякий газ, представляет собой жидкость особого рода, подчиняющуюся законам гидростатики. Поэтому, воздушное судоходство, навигация, вполне возможно. Надо только, чтобы тело было легче воздуха, как в воде оно бывает легче воды. Но как построить аппарат легче воздуха, если воздух вплоть до 18-го века считался самым легким веществом. Только в 18-м веке был найден газ водород, который, примерно, в $\frac{1}{2}$ раз легче воздуха. Правда, еще в 16-м веке была получена возможность «фабриковать пустоту», безвоздушное пространство, вернее, очень разреженное пространство. Если из определенного объема (сосуда) выкачать воздух, то при достаточно легких стенках сосуда, он может стать легче воздуха, благодаря заключенного в нем объему крайне разреженного («пустого») пространства. Но никакого практического осуществления такая теоретическая возможность не получила.

Управляемый аэростат Шиффара.

В истории борьбы за воздушную стихию 1783 г. занимает почетное место: в этом году французы, братья Монгольфье, впервые пустили шар, наполненный нагретым воздухом. Вся Европа была поражена этим событием. 27-го августа опыт был повторен по заданию Парижской Академии профессором Шарлем. Он напомнил водородом свой аэростат, и шар поднялся в присутствии свыше 300 т. зрителей. В воздухе он продержался около часа, упав в окрестностях Парижа. Население приняло падающий шар за «нечистую силу» и разорвало его на куски.

В сентябре того же 1783 г. в Версали, в присутствии короля Людовика XVI, Монгольфье привязали к воздушному шару, наполненному нагретым воздухом, корзину с бараном и петухом. Это и были первые «воздушные путешественники», поднявшиеся с земли. Их полет продолжался несколько минут, так как шар упал вследствие лопнувшей оболочки. 21-го ноября 1783 г. на воздушном шаре поднялся физик Пилатр-де-Розье, первый воздухопла-

Птица Адера.

ватель в истории завоевания воздушного океана. От этой даты и ведет свой счет нынешнее воздухоплавание. Современные дирижабли, построенные по принципу легче воздуха (дирижабли с гибкими оболочками), и цеппелины (одинакового с воздухом веса) с металлическими оболочками, являются завершением идеи Монгольфье, развитой и усовершенствованной последующими конструкторами.

Всякий аэростат, воздушный шар, не управляется летчиком: он находится во власти ветра и воздушных течений. В нем нет никаких механических деталей, — рулей, рычагов, винтов, — действуя на которые, можно было бы придать аэростату желаемое направление, скорость и высоту. Летчик целиком предоставлен воздушному потоку

и беспомощен использовать аэростат по своему усмотрению, напр., во время войны. Нужно, впрочем, отметить, что в 1870—1871 гг., во время осады Парижа прусскими войсками, аэростаты служили единственной связью между осажденной столицей и всей страной.

Снабдить аэростат двигателем и винтом, чтобы подчинить его воле воздухоплавателя — было следующей очередной задачей конструкторов. Опыты француза Жифара в 1852 году были первой попыткой превратить неуправляемый аэростат в управляемый дирижабль. Жифар пытался укрепить на аэростате небольшую паровую машину, но громоздкая установка ни к чему не привела. Только с появлением газовых двигателей, после опытов и конструкций Жюлья Релара, Цепелина и Сантос-Дюмона, задача Жифара была решена. Был создан управляемый дирижабль.

* * *

Человек, пытаясь оторваться от земли, издревле подражал птице. Мы уже упоминали о легендарном герое Икаре, прикрепившем восковые крылья к своим плечам. Древний писатель Аристофан в одной из своих комедий рассказывает о человеке, бежавшем от людей и вступившем в союз с птицами, чем он заставил даже смириться всех богов.

Но все же первые удачные попытки покорить воздушную стихию были совершены не с помощью аппаратов, подобных строению птицы, а с помощью аэростатов. Ведь птица — тяжелее воздуха, таковой она остается и во время полета. Аэростаты же, как мы видели, легче воздуха. Организмов, построенных по принципу легче воздуха, в природе вообще нет. (Если бы они были, то это были бы неземные существа). Осуществив этот принцип, человек проявил одну из своих способностей возвышаться над природой, покорять ее своему разуму, подчинить ее себе.

Почему же летает птица — организм тяжелее воздуха? Вопрос этот в настоящее время выяснен почти полностью, благодаря, главным образом, исследованиям ученых Марей и Муйяра.

Основной принцип полета птицы сводится к следующему. Ветер может поднять и унести тяжелые предметы. Всем известно, например, запускание бумажных змеев. Когда ветра нет, его можно вызвать искусственно. Так, дети бегут со змеем, чтобы произвести ветер, необходимый для подъема змея. Но ветер — это течение воздуха. Стало быть, течение воздуха обладает силой поднимать предметы, которые тяжелее воздуха. Движущийся в воздухе предмет встречает сопротивление воздушной среды. Установлено, что чем больше скорость движущегося в воздухе тела, тем сильнее сопротивление (реакция) атмосферы. Эта реакция может быть, при большой скорости движущегося предмета, такой, что она преодолет силу тяжести предмета и унесет его вверх. Вычислено, что поднимающая предмет сила пропорциональна площади тела и квадрату скорости его движения. Если птицы бьют крыльями с достаточной силой, то она вызывает этими ударами воздушные течения такой силы, что может подняться вверх. Этот принцип и лег в основу аппарата, летающего подобно птице. Система тяжелее воздуха — это и есть система авиации.

В аэроплане роль крыльев играет либо одна плоскость, кадр (моноплан), либо два таких кадра (биплан). Но крылья эти не бьются, как у птицы. Они создают воздушную реакцию самим ходом аппарата, который движется подобно пароходу, с помощью винта, вращаемого газовыми моторами. Еще в 1809 году англичанин Кей предложил теорию такого аэроплана, но только спустя 60 лет французский механик Альфонс Пено построил по принципу Кей аэроплан-игрушку, с пропеллером сзади и мотором из каучуковой пружины. Это и был первый аэроплан, первая искусственная птица, успешно пролетавшая по воздуху некоторое время.

Затем стали испытывать аэропланы, снабженные паровой машиной. Первым здесь был англичанин Херсон. Его аэроплан — с такой установкой в 1843 г. был очень громоздким и тяжелым. Аэроплан француза Адера в 1897 г. пролетел 1400 метров, но потом упал. На аппарате была установлена паровая машина в 20 лошадиных сил, общим весом в 117 кил.

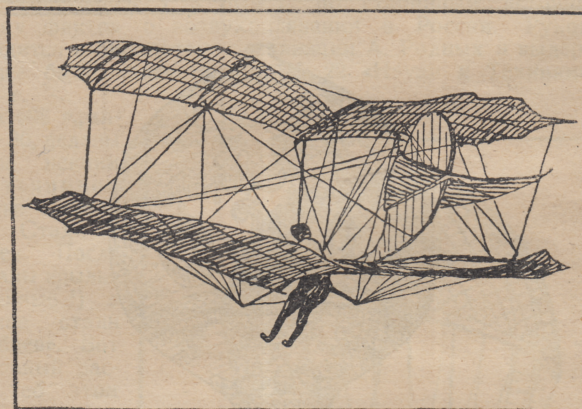
Первой жертвой авиации и одним из ее величайших героев был немец Лилиенталь. Он много работал над вопросом о маневрировании аэроплана. Он пытался решить задачу планирования, чтобы при остановленном

моторе снижаться и маневрировать, как это делают парящие птицы, не работающие своими распростертыми крыльями. Лилиенталь разбился 9 августа 1896 г.

Следующая полоса в развитии авиации — усовершенствование газовых двигателей. Имена братьев Райт тесно связаны с этой эпохой. Вильбур Райт 17 сентября 1903 г. совершил свой знаменитый полет на планере, снабженном 16-сильным двигателем. Полет этот продолжался 59 секунд, но он является переломным моментом в истории авиации.

21 января 1908 г. Райт установил рекорд продолжительности, продержавшись в воздухе 1 ч. 31 м. 25 с., а 31-го декабря довел этот рекорд до 2 ч. 20 м. 23 с., покрыв расстояние в 123 км. История летающего человека за последние 25 лет тесно связана с именами Орвиля и Вильбура Райтов.

Развитие авиации определяется успехами в длительности полета, в скорости, в высоте и в покрытии расстояния (без посадок). Вот данные, говорящие о достижениях в отдельных областях авиации за последние 20 лет: Сантос-Дюмон поднялся в первый раз на аэроплане 22 августа 1926 г., а 12 ноября он продержался 21 секунду. 26-го октября 1907 г. Фарман пролетел 52 сек., в 1927 г., в апреле,

Полет О. Лилиенталья на планере.

американский летчик Чемберлин пролетел без остановки 51 ч. 11 м. 25 сек.

Сантос-Дюмон покрыв 12 ноября 1906 г. расстояние в 220 м., Фарман 26 октября 1907 г. пролетел 770 м., Линдберг, пролетевший без посадки из Нью-Йорка в Париж через Атлантический океан, сделал 5.898 км., Летчики же Чемберлин и Левине, вылетевшие из Нью-Йорка, спустились в германском городе Эйслебене и побили рекорд Линдберга: они прошли без посадки приблизительно, 6.283 км.

Сантос-Дюмон 12 ноября 1906 г. летел со скоростью 41,3 км. в час. Садик Лекуант 15 февраля 1923 г. летел со скоростью 377,7 км. в час. Лейтенант Боние побил рекорд скоростей, достигнув 448,17 км в час, т.е. 125 м. в секунду.

Вильбур Райт в 1908 г. достиг высоты 110 м. В 1909 г. Лотам поднялся до 166 м. Теперь летчик Кальисо установил рекорд высоты в 12.000 м.

Блерио впервые перелетел Ламанш в 1909 г. В 1901 г. Шавес перелетел через Альпы, в 1913 г. Гаросс без остановки перелетел через Средиземное море. Теперь Линдберг и Чемблрин перелетели Атлантический океан.

29 июня Метланд и Хегендергер покрыли расстояние в 3860 км без спуска, вылетев из Сан-Франциско и опустившись в Уилер Фильде на Гавайских островах (о. Оабу).

Недавно в Парижской Академии Наук профессор Брег читал доклад о возможности перелета без остановки на аэроплане 20.000 км, т.е. половину окружности земного меридиана. Это, потребует, конечно, дальнейших усовершенствований в области особых технических и гигиенических приспособлений, когда можно будет достигнуть еще больших высот путем улучшенных конструкций мотора и аэроплана. Но предстоящие в этом направлении трудности ни в малейшей степени не смогут остановить творческий порыв и волю человека в его стремлении к окончательной победе над воздушным океаном.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Очерк С. БАРТЕНЕВА.

Уже около девяти лет прошло со времени окончания беспрецедентной по своей жестокости мировой войны 1914—18 г.г., с миллионами убитых и раненых, с морем пролитых слез.

За все время этой войны ее зачинщики в один голос не переставали твердить, что эта война — последняя, что после нее наступит вечный, ненарушимый мир.

Война окончилась, но желанного мира она с собой не принесла. И лишь только замолки громы пушек на полях Фландрии и равнинах Польши, в горах Курдистана и в далекой Месопотамии, как сделалось совершенно ясно, что неизбежна новая, вторая мировая война. Страны победительницы желают всю тяжесть расходов окончившейся войны возложить исключительно на побежденных. А побежденные, как манна небесная ждут новой войны, чтобы постараться выйти из кабалы. И вот, мы стоим лицом к лицу перед такими вооружениями, о которых и не снилось «запевале» в деле милитаризма перед мировой войной, Германии. Военные расходы Европы после мировой войны повысились в среднем в два раза. Мировая задолженность, в 1914 году, составлявшая 43,5 миллиарда долларов, через 10 лет после начала войны достигла почтенной цифры — 383 миллиарда.

Если не считать 4 побежденных стран (Германия, Австрия, Болгария, Турция), мир тратит на вооружения 3,8 миллиарда долларов в год, в том числе Европа — 2,2 миллиарда.

В настоящее время во всех странах «цивилизованного» мира под ружьем стоит около 6.000.000 солдат. Посмотрим, что представляют собой вооруженные силы главнейших государств Антанты, Германии, Соединенных Штатов Северной Америки и наших западных соседей, «буферных» государств.

Начнем с **Англии**. Эта «всесветная интригантка» вместе с Британской Индией, держит под ружьем в мирное время около 300.000 солдат. Армия комплектуется добровольцами. В военное время Англия может выставить очень сильную армию. Насколько ее вооруженные силы могут быть увеличены в военное время, показывает нам мировая война, когда Англия мобилизовала всего, считая с доминионами, 9.496.370 человек. Но главная сила Англии все-таки не в сухопутной армии, а в морском флоте. «Властительница морей» имеет 20 линейных кораблей (дредноутов), 70 крейсеров различного типа, 184 эскадренных миноносца, 65 подводных лодок и т. д. Нечего и говорить, что вся техническая часть сухопутной армии и морского флота — на большой высоте. За последние годы с Англией в отношении вооруженных сил, равно как и во многих других областях, усиленно конкурируют Северо-Американские Соединенные Штаты. Сухопутная регулярная армия Соединенных Штатов составляет около 150 тыс. чел. Эта армия комплектуется волонтерами и составляет основную часть вооруженных сил Соединенных Штатов. В мирное время из нее составляются гарнизоны страны, колониальных владений и береговой обороны. Кроме регулярной армии, в Америке имеются еще «Национальная Гвардия», вторичные войска и «Организованные резервы», призывающиеся лишь в случаях крайней необходимости. Соединенные Штаты, невероятно разбогатевшие во время мировой войны, когда чуть-ли не все воевавшие государства оказались их должниками, теперь чрезвычайно сильны техническими средствами борьбы и в особенности своим «химическим оружием». Устами своего руководителя военно-химического дела, ген. Фрайса, Америка усиленно пропагандирует идею газовой войны, как основного способа действий в будущей войне.

Перейдем теперь к **Франции**.

Франция готовится, главным образом, к войне с Германией, которая спит и во сне видит, как бы отплатить

своей западной соседке за разгром 1918 года. Соответственно этому и составлен план мобилизации французской ар-

мии. Французская армия, как и большинство европейских армий, комплектуется на основах всеобщей личной воинской повинности. Главную массу французской армии составляют

32 линейных и 5 легких дивизий, всего около 800.000 чел. Франция весьма сильна своей военной техникой. «Машинизация» армии, т. е. насыщение ее «машинным» огнестрель-

ным оружием — пушками, пулеметами, автоматическими ружьями, — проводится теперь во всех армиях, но во Франции осуществлена в исключительно крупном масштабе.

Чем особенно сильна Франция, так это своей авиацией, которая к будущей войне — надо думать — достигнет вну-

шительной цифры в 30.000 — 40.000 аэропланов. По части авиации Франция идет во главе всех государств мира.

Размкн- трастом с силь- ными армиями г- сударств - победителей пред- ставляется ар- мия побежден- ной, разгром- ленной и уни- женной Герма- нии. Согласно Версальскому мирному дого- вору, Германия имеет постоян- ную армию — «рейхсвер», со- стоящую всего лишь из 7 пе- хотных и 3 ка- валерийских ди- визий, общей численностью в 100.000 человек. В противопо- ложность обще- европейской си- стеме, рейхсвер комплектуется добровольцами, обязующимися служить в те- чение 12 лет. Такой продолжитель- ный срок служ- бы навязан Гер- мании Антан- той исклю- чительно с целью воспрепятство- вания накопле- нию запаса лю- дей, прошедших через ряды ар- мии и получив- ших военную подготовку, как в других армиях с коротким сро- ком службы. Эта жалкая армия некогда грозной Германии заста- вляет руково- дителей герман-

скими вооруженными силами все свое внимание обращать на «скрытые вооруженные силы», состоящие главным обра-

и военных сил фашистов — контр-революционной органи- зации. Все эти и другие менее значительные организации во время войны могут, как предполагают, выставить до 3.500.000 чел. Таким образом, Германия, жестоко разгром- ленная Антантой, уже успела не только в достаточной сте- пени оправиться от ран, нанесенных победителями ее про- мышленности, но и начать подумывать о возврате бывшего военного могущества путем обхода постановлений Версаль- ского мирного договора относительно рейхсвера.

Польша. В мирное время армию Польши составляют 30 пехотных дивизий, с артиллерией, конницей, авиацией и прочими родами войск, а всего около 325.000 чел. Но при мобилизации Польша, вероятно, будет располагать 60 пе- хотными дивизиями со всеми современными техническими средствами борьбы. За этой «официальной» армией стоят, как в Германии, многочисленные скрытые вооруженные силы — организации «Сокол», «Общество обороны окраи- ны», «Дружины Бартоша» и др. Все эти организации, частью фашистские, обучены на военный лад и во время войны будут представлять собой нечто вроде ополчения, пригодного для выполнения второстепенных боевых задач.

Как известно, Польша состоит под покровительством Франции. Еще недавно вся техническая часть польской ар- мии, в особенности ее авиация, во многом зависела от ще- дрот Франции. Благодаря ей Польша теперь значительно «окрепла» и в данное время в отношении своей военной техники она не отстает от большинства западных госу- дарств.

Армия Румынии составляет около 240.000 человек. Тех- нически Румыния не особенно сильна и, во всяком случае, слабее Польши. В отношении снабжения своей ар- мии химическими средствами, Румыния, как и Польша, пользуется помощью иностранных государств, главным образом, Франции, Италии и Америки. В военное время Румыния может поставить под ружье около 800.000 чел. Количественно румынская армия достаточно сильна, но ка- чественно она находится не на очень высоком уровне.

Среди Прибалтийских государств на первое место сле- дует поставить Финляндию. В мирное время ее армия не- велика — около 30.000 чел. Но подобно другим европей- ским армиям, в военное время финляндская армия сильно увеличится и будет представлять собою некоторую силу и количество и в отношении своей техники.

Кроме регулярной армии Финляндия располагает еще и возникшей после гражданской войны 1918 года воору- женной и обученной на военный лад фашистской органи- зацией — «Шюцкор», по образцу уже известных нам ор- ганизаций Германии и Польши. Эта фашистская армия имеет огромное количество пулеметов, а каждый шюцкорист хранит у себя дома винтовку с патронами. Остальные два государства заслуживают внимания только потому, что они являются соседками СССР. В военном отноше- нии их значение чрезвычайно мало. Но порознь, ко- нечно, они никогда не подумают действовать против нас. Если их натравят на СССР, то несомненно, натравят в ком- пании с другими сопредельными с нами государствами. Так и нужно на них смотреть.

Эстония в мирное время имеет всего на- всего 3 дивизии, т.-е. 16.000 чел., в воен- ное же время эта республика, если очень постарается, сможет набрать до 80.000 чел.

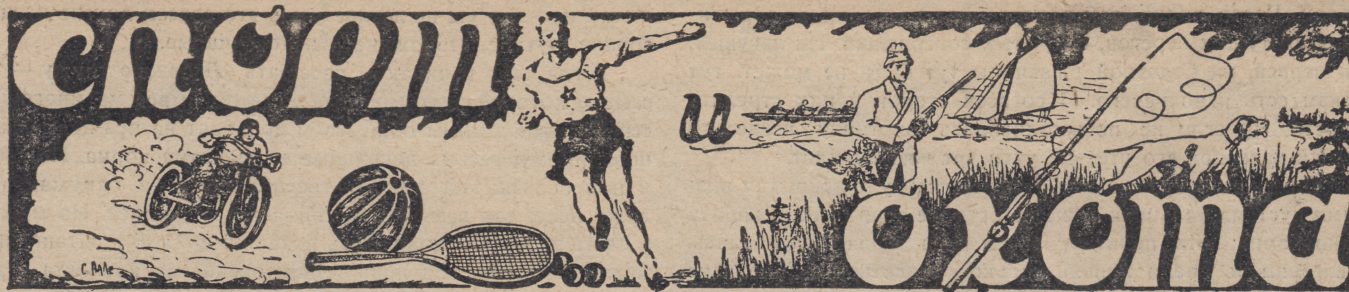
Латвия при мобилизации и при полном напряжении всех своих сил и средств, может выставить армию, приблизительно, такую же, как и Эстония.

Обе ма енькие республики, по примеру больших, имеют у себя свои скрытые воору- женные силы, в виде неизбежных фашистских организаций. Обе они, конечно, распо- агают и артиллерией, и танками и авиацией, словом, всем тем, что имеется в больших государствах, но все это, так сказать, в детском масштабе, как говорят, «всего поне- многу».

Вот, в общих чертах то, что предста- вляют собой в военном отноше нии главнейшие государства Запада и наши западные соседи.

зом, из частей буржуазной самообороны, военных органи- заций бывших офицеров, солдат старой германской армии

В ПОЙМЕ

Найти утиное гнездо не трудно даже без собаки, — конечно, в тех местах, где уток много. В тихий, жаркий вечер начинающегося лета, недели за две до сенокоса, надо послушать, притаившись неподалеку от лужи... Глупая баба-кряква не в состоянии молчать, когда она окружена выводком темно-зеленых пуховых утят. Она не крикает громко, настойчиво, как весной, когда она зовет селезня, не зевает во все горло, как осенью, когда она орет от нечего делать. Нет, утка с выводком лишь покрикивает тихонько, убедительно, но почти непрерывно, и голос самоотверженно любящей матери, полный заботы и предостережения, предательски выдает врагам присутствие драгоценнейшего ее сокровища.

Крошечная уточка чирка-трескунка охотно гнездится в первом попавшемся болотце и, едва выклюнутся ее бледно-зеленые, забавно маленькие утята, она также все время сосредоточенно не то шипит, не то свистит: настоящего покрикивания у нее не выходит. Юные поколения именно этой доверчивой уточки обычно наиболее истребляются вечно голодными деревенскими собаками. Впрочем, существует и подлый промысел: добыча утят в пуху. Гнусные промышленники выходят... Это ничего, что охота теперь запрещена, они ведь не на охоту идут, ружей при них нет, так с собачками прогуляться. И запускают гончих или просто дворняг туда, где подслушаны или подсмотрены утиные выводки.

Они почему-то всегда пьяны, эти «охотники», и непременно трубят в рог: это-де приучает собак к охоте. Озлобленный крик, разрозненный яростный лай, визг, прерывистое завывание рога, возня по грязи, лазанье по кустам — все это долго не может заглушить писка и тревожного кряканья мечущихся в смертельном ужасе птиц. Наконец, все умолкает, и победители, грязные, красные, вылезают из мертвого болота, обвешанные добычей. Собаки передушили утят, которые буквально никуда не годятся: перьев на них еще нет, пух их не снимается, а ничтожное мясо, съежившееся и сморщившееся при жарении, только пахнет сыростью. Несколько выводков истреблены, но цель достигнута: собачки прогулялись и приучились к «охоте». Они теперь умеют продолжать ее самостоятельно.

Да будет заклеимен позором и тот, кто выстрелит по нелетным утятам! Целый их выводок просто скосить одним зарядом, но это бессмысленное убийство даст только разочарование: даже кряковый утенок, размерами превышающий взрослого чирка, все-таки никуда не годится, если он не умеет еще летать, такой неоперившийся утенок — нечто жалкое вытянутое, не сложившееся... Зато послушать, не раз подсмотреть утиный выводок, как он по зорям выплывает на чистинку, дожидаться, когда молодые, вырастив крылья, еще бояться пользоваться ими, и тогда к ним, к взрослым уткам, подойти, — о, это совсем другое дело! Для начала раз, раз — два выстрела в воздух. Старка снимается немедленно и летит прочь: взрослых детей она не защищает. Молодые, притаившись, сидят упорно, поступая, в сущно-

сти, правильно: вода — их спасение, а в воздухе их ждет, если не гибель, то ужас выстрела.

Вполне выдержать, однако, они не могут и когда тяжкие шаги, шлепая по воде, приближаются совсем, молодая утка, трясаясь на неокрепших еще крыльях, поднимается столбом с криком. Выстрел гремит, но соседка таится в нескольких шагах и ждет, чтоб подошли непременно к ней, тогда она также крича взлетит... Одно и то же, как скучно? То-то что нет.

Убитые утки все одинаковы. Но шелест осоки, осторожно раздвигаемой уткой, иногда нечаянный всплеск воды, близкий взлет и испуганный крик крупной птицы, впервые увидевшей человека, толчок и звук выстрела, — все эти подробности, повторяясь во множестве мимолетных, случайных впечатлений, бесконечно разнообразны, полны невыдаваемой новизны.

Первый сознательный трепет охотничьей страсти, вообще необъяснимой вполне, почти всегда связан с охотой на молодых уток. На этой охоте человек обычно учится, как самостоятельно, без помощи даже собаки, выследить выводок, вытоптать таящуюся в осоке птицу и, когда она взлетит, повалить ее выстрелом. Возможно, что стрельбы будут в жизни еще много, по более редкой и более крупной цели, но благодарное воспоминание о первом опыте останется навсегда: не забывается первая любовь...

Иногда, за отсутствием близости глубокой воды, несколько утиных выводков, случается еще разных пород, разбредаются тут же, живут неподалеку от гнезд и вырастают на открытом болоте, не тревожимые никем, продолжая упорно таиться в густой осоке. Тут, бродя по мелкой воде, не доходящей до колена, на просторе, не закрываемом ни деревом, ни кустом, можно пережить многократное повторение первой любви до-отказа, т.е. по-просту настрелять столько уток, что последние две их связки приходится нести уже в руках: вешать на себя больше некуда. Попасть на такое место в ясное июльское утро — это исключительный случай, это... это счастье, охотничье, конечно!

На большую воду, т.е. на озера, утки, раз почувствовавшие, что крылья их несут, летают гулять: поплавать по заводям, полетать над огромным зеркалом озера. А живут утки все-таки по лужам: там они едят и ночуют. С высоты птичьего полета, конечно, хорошо видны все лужи довольно обширной поймы и потому понятно, что утки вполне уверенно летят на избранные ими лужи.

Но почему одни им нравятся, а другие нет? Всего важнее, казалось бы, укрыться от врагов и преимущественно от человека, а затем — есть... Вот Лебяжья лужа, огромный, глубокий, почти круглый пруд среди векового трудно-проходимого бора. Самое название звучит многообещающе... Ну, лебеди тут, может быть, и сидели когда-то, а уток за все лето ни одной из года в год. В холодной, чистой воде Лебяжьей лужи не мало ли корма? Как-будто бы нет... Так вот лужа Липки. Гигантской подковой изогнулся ряд узких длинных протоков, наполненных прозрачной до дна

водой. Часто видно, как клюки бьют из крепких, обрывистых цветущих берегов, открытых совершенно. Ни лягушек, ни червей, ни болотной ржавчины тут быть не может, тут уткам есть явно нечего. И со всех сторон в них стрелять просто. Но если не посчастливилось охотнику везде, то Липки наверное его утешат: утки тут всегда сидят.

Длинная, узкая, мелкая, грязная, наглухо закрытая низкими кустами тальника лужа на острове реки битком набита «линяками»; это понятно, зачем они сюда запрятались. Селезням во время линьки только отсидеться бы, пока не отрастут маховые перья, так, чтобы до них, до убогих линяков, никто не добрался. И удирают же, хлопая по воде обрывками крыльев, бедняги-линяки при неожиданном появлении!

Но что гонит вполне владеющих крыльями уток набиваться в придорожные лужи? Тут стреляют каждый день, а они опять сидят.

В отрог Долгого озера уединенный, тихий, полный света и неглубокой воды, кипевшей мелкой жизнью, один упорный охотник заглядывал почти ежедневно в течение девяти лет и только раз со знаком удивления отметил в дневнике: «дублетом две кряквы в отроге Долгого!»

Почему эти две туда сели, что отгоняло остальных?

В силу таких же непостижимых для человека соображений утки перед тем, как сбиться в стаи для отлета, рассаживаются поодиночке в прибрежную осоку озер. Да, сидят одиночками довольно крепко весь день. Зачем? Хотят в одиночестве и тишине подумать о своей утиной жизни. Не так? Ну, значит, для того, чтобы доставить человеку удовольствие пострелять в них из челнока: больше предположить нечего. И человек, положив ружье перед собой, плывет вдоль берега у самой осоки, чуть-чуть за нее задевая. Ни звука, ни движения, кроме этого легкого шелеста у носа челнока: зеркало озера спит в прозрачном зное догорающего лета... Вдруг шелест, также легкий, шагов за полсотни перед челноком, и утка стремительно взвизгивает в вышину, вслед ей гремит выстрел, а за ним летит очень часто весьма разнообразная ругань: мимо! Стрелять так с лодки очень трудно: при взлете надо положить весло, схватить ружье и сидя прицеливаться, не забывая, что утлая лодочка перекувыркивается крайне просто. В лучшем случае убитая утка падает, ее подбирают, едут дальше и через полсотни шагов история, как и всякая, повторяется. В случае худшем, что наблюдается в особенности под вечер, осока шелестит, из нее вылетает нечто коричневое, большое, после выстрела падает в воду, меткий стрелок радостно подбегает, вылавливает крупную птицу и вместо плоского носа и красных лап добродушной кряквы видит острый, хищный клюв, злобную рожу и длинные голенастые ноги. Выпь! Ее зовут также водяной бык и не без основания: голос у нее сильный, но препротивный.

Итак, к сожалению, неизвестно, о чем думают, чем занимаются утки, сидя поодиночке в осоке у края озера. К еще большему сожалению, они сидят так очень недолго, не более, как неделю — десяток дней. Затем они сбиваются

в стаи и — это уж не летние утки, это совсем другие птицы, зоркие, чуткие, сторожкие и недоверчивые.

Тогда они начинают посещать Лебяжью лужу — ту самую, которой знать не хотели летом, и весьма многочисленным оживленным обществом проводят на ней целые дни, повидимому, весьма довольные ее запасами корма. Подойти к ним нельзя: как только треснет сучок в окружающем лужу лесу, так весь табун снимается и улетает. Но можно сделать наоборот: поджидать пока они прилетят, затаившись между кочками, под прикрытием осоки или хвороста. Утинная стая делает круг над лесом... Тот, кто лежит между кочками, должен не уступать им в неподвижности: сотни зорких глаз с вышины смотрят, не шевельнется ли что около лужи. Нет, все мертво, мелкий дождик сеет, между кочками, конечно, вода, грязь, но... но ничего, кочки стоят смирно, и мокрая куча хвороста между ними тоже не шевелится. Стая низит, проносится над самой поверхностью лужи, возвращается и шумно шлепается на воду. Стрелять? Конечно, отчего и не выстрелить: иногда, случается, попадают. Но в большинстве случаев, весь огромный табун уток при выстреле свертывается мгновенно и, ничего не оставив, исчезает безвозвратно. Нет, это не летние утки... Вон видны зеленые головы кряковых, коричневые головы свиязей — видны яркие уборы вылинявших селезней. Нет, отлетным уткам надо дать обсидеться, тогда, очевидно, полагаясь на старинную издавна известную и проверенную рядом поколений безопасность Лебяжьей лужи, весь табун, покачиваясь на воде, начинает шелушиться, чиститься, дремать, повесив носы. Нет, нет, теперь не лето, когда зарядов не считали... Расчитанные, точно прицельные гремят два выстрела из-под кучи хвороста. Утки взмываются столбом, делают круг над лесом и... возвращаются. Все кочки попрежнему стоят на местах, на взбудораженной воде плавают несколько мертвых уток. И утиным мозгам этой неподвижности достаточно. Утки, успокоившись, возвращаются, садятся и опять шелушат и спят. Вот, если раненая утка станет биться на воде, тогда из-под хвороста можно выйти: все равно стая улетит совсем.

Собразительность и осторожность уток после того, как они сбились в стаи, возрастает не по дням, а по часам. На вечерней заре, когда вершины деревьев так отчетливо вырисовываются на безоблачном небе, утки еще летают, от одной большой воды к другой, но держатся уже так высоко, что не всякое ружье до них достанет. Затем такие перелеты прекращаются, опять-таки без видимых причин: зори все так же ясны и гладь озер попрежнему зеркальна... На лужи утки больше не заглядывают ни на какие, а упорно держатся на недоступном от берега расстоянии, на середине озера, где казалось бы, нечего им делать: еды там нет, спать мешает волна. Утки сидят там несколько суток и вдруг в прозрачном сиянии сентябрьского полдня необеспокоенные ничем снимаются разом, шумно идут столбом кверху и длинной вереницей в вышине тянутся к югу.

Это значит — отлет до будущей весны.

Лесник.

КАК НАЗЫВАЕТСЯ ГОРОД?

На веранде дачи, в одном большом портовом городе, два друга вели следующий разговор:

— Какая нестерпимая жара!

— Неудивительно, сегодня ведь 21 декабря!

— Да, это правда, через три дня рождество. Где ты думаешь провести свой отпуск?

— Поеду на север, к тропикам. Я люблю тепло и яркие цвета. А что думаешь ты предпринять?

— Ну, с меня достаточно этой температуры раскаленной печки! Я думаю подняться на юг, может быть даже до границы ледяных затворов. А кстати, когда ты вернулся из твоей последней поездки?

— Мой корабль вошел сюда в гавань вчера рано утром. Была великолепная картина, когда солнце поднималось над Атлантикой.

— Да, а теперь оно стоит прямо над нашим домом. На улицах невыносимо, даже киоск на той стороне не бросает ни малейшей тени!.

— Да, теперь как раз полдень и я должен спешить. До свидания, увидимся сегодня вечером!

— До свидания!

В каком городе живут оба приятеля?

Л. Д.

У ИСТОКОВ НИЛА

Шейх из племени Хадендова на своем беговом верблюде.

Забавляются с быком: сначала дразнят, потом ласкают.

Американский охотник-спортсмен, в поисках мест, богатых крупным зверем, забрался в Судан, к истокам Нила. Особенно долго пришлось ему прожить среди полукочевого арабского племени Хадендова, питающего особую страсть к беговым верблюдам. Вожди гордятся своими стадами и все время меняют на верблюдов своих коз и овец.

Ребятишки, отправляясь пасти стада быков, часто устраивают в пути веселые игры. Кто-нибудь раздражит животное и побегит от него. Бык за ним, паренек бросается из стороны в сторону и, как только бык разъярится, ему бросает в морду ком грязи. Животное разом останавливается и позволяет спокойно подойти к нему и даже поласкать.

Это зоркое племя прекрасно охотится за каменными козлами,

Охота на гиппопотама.

удачно преследовать которых ему помогают умные собаки.

Любопытны и охотники за гиппопотамами из племени Шиллук. Эти живописные дикари, с закрученными на подобие седла волосами, отыскивают прежде всего тропинку, по которой обычно выходит гиппопотам из воды на берег. Один охотник сторожит всю ночь в камышах и, когда животное выходит на кормежку, бросает в него копье с длинной веревкой, на конце которой прикреплено полено в качестве поплавка. Охота длится иногда целых два дня, пока раненое животное не обессилит окончательно. Тогда его вытаскивают на берег, где и убивают. Иногда на помощь этим охотникам приходят европейцы, которые бьют гиппопотама уже из своих винтовок.

Стадо буйволов на открытой лесной поляне.

Стадо нубийских каменных козлов.

Кто выиграл велосипеды? Редакцию забросали вопросами любопытные читатели: кому достались два велосипеда в первом розыгрыше? Отвечаем: один велосипед выиграл рабочий в г. Иваново-Вознесенске, М. Моденков, а другой достался ученику 1-ой школы в Звенигородке, Ю. З. Ж. Д., М. Касьяну.

Обоим им машины высланы.

В середине июля, как знают наши читатели, будут разыграны еще два велосипеда.

В. И. Позорину. Щуки бывают длиной до 1 метра, но (как редкость) и больше. Максимальный вес — до 2 пудов. Живут щуки, в исключительных случаях, до 200 лет. Обычно же предельный возраст щуки — 150 лет.

А. М. Русанову. Укажите точнее, какие именно страны вас интересуют: цивилизованные или дикие.

П. М. Щедиллову. Кино-трюк в «Нибелунгах»: поразившее Зигфрида насковок копьё, — очевидно был заснят с остановкой аппарата, во время которой концы копья были укреплены на груди и на спине актера.

Г. Таврилову, Ю. Дьяконову, В. Бородулину. Для пользования ружьем «Монте-Кристо» нужно получить разрешение в местном «Союзе охотников» (стоит оно 1 р. 50 коп.). Всевозможное оружие продается в Охотничьем магазине (Ленинград. Пр. Володарского, д. 43).

П. А. Верховскому. Моторов «ЖАП» в СССР не имеется. Нужно выписывать из Англии.

Читателю из Москвы. На загадочной картинке в № 8 девочке поет мальчик. Картинку нужно перевернуть вверх ногами.

Гари. Присылайте. Если подойдет, поместим.

А. А. Стрепетову. Смотрите «Нашу переписку» в № 4.

А. Ясинскому. Можно.

Р. Аману. Наш журнал расходуется в количестве 60 тысяч экземпляров.

А. Кириатскому и др. В конкурсе «Стомахион» имеют право участвовать все читатели журнала.

Многим запрашивающим. В ближайшее время присылать в редакцию большие рукописи (свыше 1 печатного листа) не советуем, так как редакция располагает уже ими в достаточном количестве.

А. В. Смирнову. Мотоцикл можно купить только по случаю. Насчет велосипеда см. «Наша переписка» № 4. Междупланетные путешествия сейчас еще невозможны за отсутствием подходящих снарядов для перелета.

Подписчику № 2128. Адрес спортивного магазина: Пр. 25 Октября, д. 21. Магазин «Спорт».

М. Егорову, Борисоглебск. Обратитесь за ремнями в Москву или Ленинград (Автопромторг. Пр. Володарского, д. 47).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ПОСТУПИЛИ ДЛЯ ОТЗЫВА:

Д-р Д. М. Городинский. «Выбор курорта». 3-е издание ленингр. губпрофсовета. 1927 г. Ц. 45 к.

Он же. «Черноморское побережье Кавказа». 3-е изд. ленингр. губпрофсовета. 1927 г. Ц. 40 к.

Он же. «Кавказские минеральные воды». 3-е издание. 1927 г. Ц. 35 к.

Он же. «Крым». 3-е изд. Ц. 50 к.

Он же. «О солнечных ваннах, морских купаньях и пр.». 3-е изд. Ц. 30 к.

Ник. Ловцов. За Яблон. в. хребетом. М. Т-во Писателей. 1927 г. Ц. 1 р. 10 к.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 12

Цена омара.

Омары продавались ловцами по 8 шиллингов дюжина, что составит 48 шиллингов за 6 дюжин или 32 шиллинга за 4 дюжины. Следовательно цена одного омара равнялась $\frac{2}{3}$ шиллинга, (т.-е. 8 пенсам).

Американский спекулянт.

Спекулянт купил 150 участков земли за 25.000 долларов и продал их за 37.500 долларов. Следовательно его прибыль равнялась 12.500 долларов, т.-е. той сумме, в которую обошлись ему 75 участков.

Дедушкин брак.

Предположите, что А и В — сестры. Дедушка моего приятеля женился на А. Она умерла и таким образом он овдовел. Потом он женился на В, которая пережила его и, следовательно, стала его вдовой. Поэтому мой приятель был прав, говоря, что его дедушка женился на сестре овсей вдовы, т.-е. на А, хотя она и была его первой, а не второй женой.

Заяц и черепаха.

До встречи в точке, в которой заяц покрыл лишь одну шестую всего расстояния, он бежал в $4\frac{1}{4}$ раза медленнее чем черепаха. После встречи заяц побежал в 5 раз быстрее, черепахи, т. е. он увеличил свою скорость $21\frac{1}{4}$ раз.

Горошек тетки Мэри.

Всего было 1021 горошина. Старший мальчик получил 256 штук. Старшая девочка — 192. Младший мальчик — 144, а младшая девочка — 108. Таким образом у тетки Мэри осталась 321 горошина.

О „живой цепи“.

По недосмотру в результаты конкурса вкрались две опечатки. А именно, во второй и четвертой цепи дважды повторяется слово „антилопа“, тогда как в одном случае нужно читать „антиспа“. Словом, составители этих цепей не повторили, согласно условиям конкурса, дважды одного и того же названия.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

- 3 радио-аппарата.
- 3 фотографических аппарата.
- 6 велосипедов.
- 10 самопишущих перьев.
- 10 кошельков-портмоне.
- 12 карманных часов.
- 12 футбольных мячей.

- 12 пар буц.
- 12 пар лыж.
- 30 пар коньков.
- 30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
- 100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».

(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умышленно вызванного изменения Гольфштремом своего течения).

1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.

(Война Европы и Америки из-за поднявшейся из глубины океана Атлантиды).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:

На один месяц	— р. — к.
„ три месяца	2 „ — „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „

Без приложений:

На один месяц	— р. 40 к.
„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

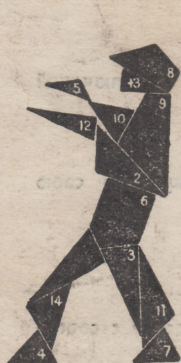
„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

ОБРАЗЧИКИ ЛЮДСКИХ ФИГУРОК

Мы предлагаем нашим читателям вплотную заняться уже известной им игрой в „СТОМАХИОН“, чтобы принять участие в нашем втором конкурсе на тему:

ЛУЧШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА

Образчики прилагаются.

КАКИЕ ЖЕ ПРЕМИИ?

Редакция просит самих участников этого второго конкурса наметить желательные премии, исходя из всех цен вещей, которые были об'явлены для нашего первого конкурса.

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших лучшие человеческие фигуры, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

1-го августа последний срок отсылки фигурок с мест своего жительства.

Ленинград, Фонтанка, 57. Редакция „ВОКРУГ СВЕТА“

